

HAL
open science

От поручения к учреждению

Joukovskaia Anna

► To cite this version:

Joukovskaia Anna. От поручения к учреждению: А. А. Курбатов и "крепостное дело" при Петре I. С. Н. Кистерев. Очерки феодальной России, 13, Альянс Архео, pp.314-376, 2009, 978-5-98874-040-7. <halshs-00692631>

HAL Id: halshs-00692631

<https://shs.hal.science/halshs-00692631>

Submitted on 1 May 2012

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

КАБИНЕТ СЛАВЯНО-ГРЕЧЕСКОЙ АРХЕОГРАФИИ

ОЧЕРКИ
ФЕОДАЛЬНОЙ
РОССИИ *

Альянс-Архео
Москва-С.-Петербург
2009

В дальнейшем усилия историков оказались обращены не столько на развитие этой убедительной, но схематичной интерпретации при помощи конкретно-исторического материала, сколько на выявление как можно более узко ограниченного хронологического отрезка, в который эпоха преобладания поручений закончилась и управление стало осуществляться посредством учреждений. Само существование такого момента в течение долгого времени не вызвало у историков никаких сомнений, несмотря на отдельные указания специалистов на постоянное существование приказов-поручений и приказов-учреждений как характеристику московского стиля управления.³ Однако исследование последних лет убедительно показали важность порученческого начала в управлении даже в такие периоды, когда, согласно традиционному представлению историков, учреждения уже давно являлись единственным легитимным каналом передачи импульсов власти — в конце XVIII в. и на всем протяжении царствования Петра I.⁴

Таким образом, углубленное эмпирическое изучение феномена институциональной кристаллизации вновь обрело острою историографическую актуальность, что и побудило нас обратиться пристальное внимание на недавно обнаруженные нами в Российском государственном архиве древних актов материалы, позволяющие реконструировать предысторию возникновения Приказа крепостных дел в начале XVIII в.

Во избежание недоразумений, позволим себе напомнить, что в изучаемую эпоху выражение «крепостное дело» не вызывало ассоциации ни с крепостным правом, ни со строительством крепостей и использовалось исключительно для обозначения административной деятельности по организации сбора пошлин за регистрацию актов. Появление этого словосочетания имеет свою историю. Перед началом Северной войны более чем когда-либо озабоченное поисками доходов московское правительство среди прочих предметов занялось усовершенствованием пошленного обложения актов. По инициативе А. А. Курбатова в 1699 г. в продажу была выпущена первая в России «клеименая» («гербовая» или «орленая») бумага, которую население полагалось покупать у казны по уста-

³ Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов // Ученые записки Лицея в память цесаревича Николая. Вып. 1. М., 1907. С. 3.

⁴ Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 42—43, 54—49, 50—51, 68—70; Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 30—34, 42—45.

А. В. Жуковская

ОТ ПОРУЧЕНИЯ К УЧРЕЖДЕНИЮ: А. А. КУРБАТОВ И «КРЕПОСТНОЕ ДЕЛО» ПРИ ПЕТРЕ I

...учреждения выступали с совершенно личным характером и обнаруживали такие свойства, какими обыкновенно отличаются только частные лица, когда дело касается денежных интересов

Павел Милохов

В историографии управления Московским государством заметное место занимает проблема трансформации приказов-поручений в приказы-учреждения. Согласно наиболее распространенной точке зрения, первые были характерны для Средневековья, тогда как преобладание вторых составляло главную отличительную черту системы управления Нового времени.¹

Общие черты указанного процесса описал еще С. Б. Веселовский: «Когда предметом поручения был известный круг повседневных дел, то с течением времени он мог легко приобрести значение учреждения. Практика вырабатывала однообразные приемы решения дел, а житейская логика заставляла подчиняться им. С течением времени возникла потребность в архиве для хранения различных дел и в постоянном штате знающих дело служащих. Так постепенно центр тяжести перешел с лиц на дело и личное поручение преобразовался в учреждение. Этот переход совершался путем практики, без сознательно поставленной цели, так что очень трудно, часто даже совсем невозможно сказать, когда именно возник данный приказ как учреждение».²

¹ Последний по времени анализ историографии: Петров К. В. Приказная система управления в России в конце XV—XVII вв.: Формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М., СПб., 2005.

² Веселовский С. Б. Приказный строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. 3. Киев, 1912. С. 164.

новленным ею ценам. Под угрозой штрафа подданным запрещалось предъявлять в суде или даже писать акты на простой бумаге.⁵ Однако гербовой пошлины правительству показалось мало, и вскоре процедура оформления актов была обложена еще одним сбором — за «записку» или регистрацию, которая была объявлена обязательной для всех без исключения актов частных лиц.⁶ Пропецидший подобную регистрацию акт издавна назывался «крепопстью», поэтому в начале XVIII в. составление актов, их записка, сбор пошлин, а также местный и централизованный контроль за всей этой деятельностью получили обобщенное название крепостного дела. Напомним также, что введенная по инициативе Курбатова крепостная записка не подменила собой, а дополнила процедуру утверждения некоторых видов сделок в приказах,⁷ законодательно оформленную в Соборном Уложении 1649 г. и генетически восходящую к известной с XIV в. практике «явки» сделок представителям светской или церковной власти.⁸

Упомянутые частные и, на первый взгляд, малозначительные фискальные меры выходят за рамки истории учреждений, ибо по глубине своих социальных последствий они не уступали иным масштабным административным реформам. Необходимость контролировать уплату пошлин заставила правителей резко ограничить круг лиц, традиционно пользовавшихся правом писать акты. Если в предыдущем столетии этим правом обладали как нанимаемые населением площадные подьячие и писцы,⁸ так и, в определенных случаях, частные лица, то с 1701 г. оно, по преимуществу, было предоставлено лишь относительно немногочисленной специально созданной категории «крепостных дел подьячих».⁹ Данная мера оказалась, таким образом, причиной упадка важного

⁵ Именной указ от 23 января 1699 г. (ПСЗ. Т. 3. № 1673. С. 597—598).

⁶ Именной указ с боярским приговором от 9 декабря 1699 г. (Там же. № 1732. С. 678—679). Многочисленные указы о пошлинах: Там же. Т. 3. № 1739; Т. 4. № 1743, 1767, 1769, 1774, 1793, 1794, 1833 и др.

⁷ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 687—690; *Лашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: Наместники и волостели. М., 2000. С. 63—83.

⁸ *Злотников М. Ф.* Подьячие Ивановской площади: К истории нотариата Московской Руси // Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Петроград, 1916. С. 82—130; *Лихачев Н. П.* Площадные подьячие XVIII в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Плагонину. Петербург, 1922. С. 139—143.

⁹ Именной указ, данный Разряду 30 января 1701 г. (ПСЗ. Т. 4. № 1833. С. 134—139).

социального института площадных подьячих, который, как известно, в средневековой России выполнял ряд функций европейского нотариата.¹⁰ Можно также предположить, что преобразования начата XVIII в. в области крепостного дела стали одним из факторов, предопределивших своеобразие нотариальных систем имперского и советского периодов.

В добавление к сказанному данный сюжет позволяет бросить свет на фигуру Алексея Александровича Курбатова — одну из колоритнейших личностей петровского царствования, остающуюся в значительной мере неисследованной, несмотря на признанную важность деятельности этого человека в течение нескольких лет стоявшего «в челе финансового управления России».¹¹

Крепостное дело не раз привлекало внимание исследователей, и его нормативная сторона изучена довольно основательно.¹² Напротив того, практика управления крепостным делом, отношения между лицами, ее осуществлявшими, и черновая, если так можно выразиться, административная мысль, которая отражалась не в законодательных памятниках, а в решениях по конкретным делам, остаются совершенно неизвестными. Между тем, эта *внутренняя* история позволяет вплотную подойти к изучению процессов ин-

¹⁰ *Notaires, notariat et société sous l'Ancien Régime* / Ed. Jean-Luc Laffont. Toulouse, 1990.

¹¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 8. М., 1993. С. 312. А. А. Курбатов (1663—1721), холоп фельдмаршала боярина Бориса Петровича Шереметева, в 1699 г. был пожалован в дьяки Оружейной палаты и назначен «прибыльщиком», а в 1705 г. стал фактическим главой Рагушши. С началом губернской реформы и понижением значения Рагуши назначен вице-губернатором Архангелогородской губернии (1711 г.). Дальнейшая судьба Курбатова, неосновательно обвиненного в казнокрадстве и умершего под следствием, подробно исследована: *Серое Д. О.* Крути судьбы прибыльщика Алексея Курбатова // Администрация Петра I. М., 2007. С. 172—214.

¹² *Капустина Г. Д.* Записные книги Московской крепостной конторы как исторические источники (первая четверть XVIII в.) // ПИ. Вып. 7. М., 1959. С. 216—225; *Шалаев А. В., Рыбакова И. М.* Предисловие к Указу телу к коллекции «Крепостные книги местных учреждений XVI—XVIII веков». РГАДА, 1965 (машинопись); *Николаева М. В.* Введение // Частное строительство в Москве и Подмосковье: Первая четверть XVIII века: Подрядные записи. Т. 1. М., 2004. С. 11—34; *Балакирева Л. М.* Создание Крепостной конторы при Юстиц-коллегии (1719 г.) // Российское самодержавие и бюрократия: Сборник статей в честь Натальи Федоровны Демидовой. М.; Новосибирск, 2000. С. 202—218.

ституциональной кристаллизации и скорректировать понятия, полученные на основе одностороннего формально-юридического подхода.

Предлагаемая статья разделена на две части, каждая из которых посвящена анализу особого комплекса факторов, ответственных за относительно быструю институционализацию крепостного дела. В первой части наше внимание будет сосредоточено на отношениях внутри административной верхушки — на тесно связанных процессах вхождения Курбатов в состав правящей элиты и сосредоточения всех нитей управления крепостным делом в его руках. Во второй части мы рассмотрим особенности функционирования властной вертикали центр/периферия в условиях бурных перемен начала XVIII в., когда каналы управления московской эпохи уже подверглись значительным разрушениям, а новые только устанавливались, а также проанализируем административные методы Курбатова и социально-экономические условия, обеспечившие успех его начинаниям.

1. КАРЬЕРА КУРБАТОВА И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КРЕПОСТНОГО ДЕЛА

1.1. Межличностные связи *versus* «регулирование»

Начавшись с узко-технической задачи производства и продажи гербовой бумаги, крепостное дело за несколько лет превратилось в особую область управления, включавшую, с одной стороны, ряд финансово-административных и контрольно-финансовых действий, имевших целью сбор гербовой и регистрационной пошлин, и, с другой стороны, примыкавший к нему комплекс мероприятий по ведению следствий и судебных дел, спровоцированных этими действиями или косвенно связанных с ними. Историки восприняли этот сложный агрегат как данность и, не рассматривая причины и пути его складывания, осуждают «недостаток в системе крепостных учреждений»,¹³ делают выводы о «межведомственной неразберихе», требовавшей «срочной нормализации»,¹⁴ — словом, усматривают здесь пример общей «бессистемности» приказного строя, которая долгое время считалась главной причиной его унич-

¹³ Капустина Г. Д. Записные книги... С. 220.

¹⁴ Балакирева Л. М. Создание Крепостной конторы... С. 203.

тожения Петром I.¹⁵ При этом исследователи как бы не замечают противоречий, возникающих между этими выводами и их же собственными наблюдениями над практикой крепостного дела, которые свидетельствуют о том, что уровень его организации, включая фискальную эффективность, не возрос, а заметно упал при переходе от приказной системы к коллежской,¹⁶ несмотря на декларированную рационализацию, якобы позволившую внести в деятельность «государственных нотариальных учреждений [...] принципы жесткой централизации, четкого определения круга полномочий, извещной формализации процедур».¹⁷

Невозможность удовлетворительно разрешить указанные противоречия в русле традиционной административной истории в данном случае связана с тем, что исследователи останавливались в своем анализе на уровне формальной организации учреждений, причем неизменно рассматривали их, будь то поздние приказы или ранние коллегии, как бюрократические учреждения новейшего времени, игнорируя свидетельства историков об упомянутой актуальности порученческого начала и о структурно-клиентской роли межличностных связей, в том числе патронажно-клиентского типа. Между тем, такая смена ракурса буквально с первых шагов позволяет историю крепостных учреждений начала XVIII в. нащупать их внутреннюю логику. Попытаемся ее реконструировать.

Как известно, идея введения в России гербового сбора пришла к Курбатову во время путешествия по Европе, куда он сопровождал своего господина боярина Б. П. Шереметева в 1697—1698 гг. Изю всех русских, побывавших в те годы на Западе, только Курбатов обратил пристальное внимание на эту неизвестную в России форму косвенного налога — возможно потому, что в доме Шереметева он был «человеком который за деньги ходит» и все вопросы, связанные с оформлением актов, близко его касались. Вскоре после возвращения в Москву Курбатов столь убедительно рассказал в подметном письме на имя боярина Ф. А. Головина об этом способе «полонить его, великого государя, казну», что всего четыре дня спустя Петр I подписал соответствующий указ.¹⁸

¹⁵ Голыкова Н. Б., Кислягина Л. Ф. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. Т. 2. М., 1987. С. 44—45.

¹⁶ Капустина Г. Д. Записные книги... С. 221—225.

¹⁷ Балакирева Л. М. Создание Крепостной конторы... С. 216.

¹⁸ Именной указ от 23 января 1699 г. (ПСЗ. Т. 3. № 1673. С. 597—598). В энциклопедии «Отечественная история» (Т. 3. М., 2000. С. 221) ошибочно указано, что эти события произошли в 1700 г.

Распоряжаться изготовлением бумаги, ее продажей и ожиданием доходами назначались Головин со своими «товарищами» по управлению Оружейной палатой. Имя Курбатова в указе даже не упоминалось. Тем не менее, современникам было известно, что «за ту прибыль дано ему дьячество и велено ему сидеть в Оружейной палате и сборы всякие ведать».¹⁹ Сохранившиеся делопроизводственные документы не оставляют сомнений в том, что непосредственное руководство гербовым и возникшим вслед за ним крепостным делами осуществлялось именно Курбатовым.²⁰

Как мы только что отметили, историки однозначно оценили подчинение крепостного дела Оружейной палате как очередное проявление бессистемности приказного аппарата, частичное оправдание которому они увидели в том, что палата, занимавшаяся заготовкой вооружения, «нуждалась в деньгах».²¹ Известно, однако, что от нехватки финансовых средств страдали тогда и другие важные приказы, например, Посольский. Принимая указанное решение, царь, видимо, исходил из иных соображений, которые можно попытаться гипотетически восстановить.

¹⁹ Дневные записки И. А. Желябужского // Рождение империи. М., 1997. С. 312. Эта информация подтверждается приходо-расходной документацией Оружейной палаты за 1701—1704 гг. (РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Д. 985—993). Кстати, получаемое Курбатовым жалованье составляло триста рублей и по пятидесяти чети пшеницы, ржи и овса (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 5 об.; Д. 993. Л. 100 об.).

²⁰ Грамоты с указом от 23 января 1699 г. из Оружейной палаты в города направлялись, правда, за приписью дьяка Кирилла Тихонова (см., например, расписной список г. Севска 1700 г.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 1132), однако остальные крепостные дела первых лет XVIII в., которые нам удалось обнаружить, скреплены и помечены рукой Курбатова. Так, грамоты с указом о заведении в провинциях записных книг крепостям рассылались из Оружейной палаты по местным учреждениям за скрепой Курбатова (см., например, книги Севской разрядной избы 1701—1702 гг.: РГАДА. Ф. 615. Провинциальные магистраты и съезжие избы. Оп. 1. Д. 9907. Л. 502). См. также поместы Курбатова в деле по доношению крепостных дел подьячего Федора Грешничева 1702 г. (РГАДА. Ф. 282. Юстиц-коллегия. Оп. 1. Д. 1949), в деле помещадного подьячего Лосева 1703 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1958), в деле подьяческого сына Василья Игнатьева 1703 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1955), в деле по челобитью крепостных дел подьячего Федота Филипова 1704 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1964) и т. д.

²¹ Капустина Г. Д. Записные книги... С. 220.

Напомним, что до поступления на царскую службу Курбатов относился к тому «высококвалифицированному разряду боярских слуг», социальное положение которых, несмотря на личную зависимость, считалось достаточно высоким, чтобы пожалование его в дьяки не скандализировало современников.²² Тем не менее, далеко не во всяком приказе Курбатов смог бы сразу занять влиятельное положение, поскольку счет по старшинству и даже местничанье были тогда распространеными явлениями среди дьяков.²³ Выгода назначения именно в Оружейную палату заключалась для него в том, что ее главный начальник Головин приходился родственником Шереметеву и поддерживал с ним дружеские отношения.²⁴ Даже если в истории с подметным письмом Курбатов действовал без предварительного согласия Шереметева, из этого не следует, что он опасался противодействия с его стороны. Подобного рода инициатива слуги имела все шансы заслужить похвалу Петра I, и хозяин мог рассчитывать, что царственное одобрение распространится и на него, поскольку он доставил своим людям возможность извлечь пользу из европейского путешествия. Возможно, Шереметев рекомендовал Курбатова Головину, а тот, в свою очередь, выразил перед царем готовность оказать Курбатову поддержку, предоставив ему ресурсы Оружейной палаты. В частности, в палате работали граверы — мастера редкой тогда в России специальности, которым можно было поручить резьбу печатей для клеймения бумаги, что и было сделано.²⁵

Возникшая административная конфигурация, несомненно, мало соответствовала принципам «регулярства» и, прежде всего, отраслевой специализации учреждений. Видимо, в то время он казался царю менее важным фактором благополучного функционирования системы управления, чем межличностные связи в среде приказного начальства.

Руководители приказов, в свою очередь, стремились установить подобные связи с элитным исполнителем, находившихся с ним в непосредственном контакте. К такому выводу нас приводят

²² Богословский М. М. Петр I. Материалы к биографии. Т. 3. М., 1946. С. 236.

²³ Демидова Н. Ф. Служила бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 84—87.

²⁴ Заозерский А. И. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда Петровского времени // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 189—190.

²⁵ М-н А. Э. Леонтий Бунин; Петр Бунин // РБС. Т. 3. СПб., 1908. С. 490. Благодарим Дмитрия Гузевича за это указание.

наблюдения над взаимоотношениями Курбатова с его подчиненными, на которых полезно будет остановиться подробнее.

1.2. «Люди боярские» на «государственной» службе

Вскоре после своего назначения дьяком Курбатов обратился к Головину с просьбой «взять в Оружейную дву человек... ему на вспоможение», о чем боярин счел необходимым доложить самому царю.²⁶ Проявленная Головиным несамостоятельность в столь мелком вопросе объяснялась тем, что речь шла не о подьячих какого-нибудь приказа, а о «подьях» в юридическом смысле слова, т. е. холопах: «один у Салтыкова Алексея, другой у Гагина: Салтыкова — Ивашка Хрипунов, Гагина — Федор Обыгов».²⁷ Петр предоставил Головину поступать «по рассмотрению», в результате чего оба «человека» были взяты в Оружейную палату в подьячие средней статьи.²⁸

Курбатову, как мы уже упоминали, доводилось «ходить» по приказам, занимаемая делами своего хозяина, а значит он не мог не иметь на примете подходящих кандидатов в московской подьяческой среде. Поэтому представляется несомненным, что его выбор в пользу категории несвободных слуг был добровольным и взвешенным, хотя мы и не имеем достаточных данных, чтобы судить о его причинах, кроме того, что Курбатов сам был выходцем из этой социальной прослойки.²⁹

²⁶ Письмо Головина Петру I от начала 1700 г. (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 337). До этого Курбатов напрямую обращался с этой просьбой к царю, но получил приказание соблюдать иерархию: «о двух человеках говори Федору Алексеевичу, чтоб он зделал» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3. СПб., 1893. С. 353. Датировка в публикации, произведенная согласно изданию И. И. Голицына, явно ошибочная).

²⁷ Письма и бумаги... Т. 1. С. 337. Имеются в виду боярин Алексей Петрович Салтыков и стольник князь Иван Данилович Великогагин (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 44 об. — выписка из именного указа).

²⁸ Хрипунов был поверстан окладом в пятьдесят рублей, а Обухов в сорок пять. Платить им жалованье полагалось не из окладной суммы Оружейной палаты, а «из збору крепостных дел», причем они числились у дел при «математических и навигацких науках» (выписка из именного указа о назначении и ведомости о приходе и расходе Оружейной палаты за 1701 г.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 16, 44 об.).

²⁹ Курбатов не только не скрывал в дальнейшем происхождение своих сотрудников, но едва ли не хвастал им, во всяком случае перед царем, напоминая ему, что они были взяты «по моему прошению твоим великого госу-

В дальнейшем Курбатов постоянно заботился об интересах своих избранных помощников. Покидая Оружейную палату, он не только забрал Ивана Авксентьева Хрипунова и Федора Обыгова (Обухова) с собой в Ратушу, но и воспользовался этим случаем, чтобы обеспечить им повышение. Хрипунов получил должность «инспектори писаря»³⁰ (в этом словосочетании следует видеть указание на его прямую подчиненность «инспекторам Ратушского правления Алексею Курбатову с товарищи»³¹). Обухов сделался старым подьячим.³² Годовой оклад Хрипунова в 1705—1707 гг. составлял солидную сумму в сто рублей, причем, в отличие от дьяков и подьячих, он получал его «сплоная»,³³ а не «квотлы». ³⁴ Прогекция Курбатова распространялась и на членов семьи Хрипунова.³⁵ При

даря имянным указом из боярского дому в Оружейную палату» (письмо от 10 апреля 1706 г.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. СПб., 1900. С. 697—699). В рассматриваемое время переход образованных холопов на царскую службу стал заметным явлением. Помимо Курбатова и его помощников, ярким примером были братья Соловьевы, которые не только сами сделали удачную карьеру, но и вытянули своих родственников, а также завязали семейные узы в среде петровской социальной элиты (Сергеев Д. О. Из жизни Д. А. Соловьева, архангелогородского обер-комиссара // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 250—257). Полагам, что бытующее среди историков мнение о том, что холопский статус неизбежно влек за собой понижение социального положения, заслуживает пересмотра, во всяком случае, для петровского времени.

³⁰ Назначен 10 февраля 1705 г. (РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 1284. Л. 168); а не 24 марта 1705 г., как отмечено у Веселовского (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII веков. М., 1975. С. 557). Благодарим Дмитрия Серова за предоставление этой информации.

³¹ Наказные статьи от 9 февраля 1705 г. (ПСЗ. Т. 4. № 2028. С. 288).

³² Письма и бумаги... Т. 4. С. 697.

³³ Приходо-расходная книга Приказа крепостных дел (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 1 об., 5, 11, 20).

³⁴ Анисимов Е. В. Государственные преобразования... С. 85; Лисарькова Л. Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I. Условия службы и характерные черты // ОИ. 2004. № 2. С. 5.

³⁵ Известен некий Козьма Авксентьевич Хрипунов 1687 года рождения, вероятно, младший брат Ивана. В 1706 г. т. е. непосредственно после назначения Курбатова в Ратушу, Кузьма, одновременно с сыном самого Курбатова, получил редкую возможность отправиться в Германию, где обучался до 1713 г. (в 1706 г. «сыну инспектора Алексея Курбатова для учения свободных наук за морем» было выплачено 375 рублей, цит. по: Милоков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 652). По возвра-

Хрипунов был мастером на все руки, с успехом выполнял самые ответственные и delicate поручения Курбатова, такие, например, как выемка у купцов Шустовых утаенных ими денег³⁹ или заведывание бюджетом Школы математических и навигацких наук.⁴⁰ Именно на него Курбатов переложил рутинную работу по управлению крепостным делом, что явствует из скреп и приписей Хрипунова на сохранившихся документах.⁴¹ Тем не менее, судя по формуляру входящих и исходящих бумаг, Хрипунов так и не получил статус товарища Курбатова. Вероятно, здесь пролегла черта, обеспечивавшая необходимую дистанцию между «креатурой» и «патроном» (по терминологии того времени). Можно предположить, что обоюдное соблюдение этой границы являлось залогом стабильности их взаимоотношений.

Итак, Курбатов сознательно опирался не на исконные подьяческие кадры, а на приведенных им извне, лично ему преданных ответственных исполнителей, чью лояльность он тщательно культивировал. Данное обстоятельство сыграло важную роль в обретении крепостным делом положения самостоятельного учреждения, облегчив и ускорив его обособление от Оружейной палаты. К реконструкции этого процесса мы теперь и переходим.

³⁹ Соловьев С. М. История России... Кн. 8. С. 71—72.

⁴⁰ Выписка из именного указа о назначении Хрипунова к этому делу и рукоприкладства Хрипунова в получении денег на выдачу кормовых ученикам школы (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 44 об., 126, 132, *passim*).

⁴¹ Помета «сметрил» на справке о приходе и расходе московской Палатки крепостных дел за 1701 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 45—48); рукоприкладство в получении денег на выдачу жалованья подьячим крепостных дел, 1702 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 987. Л. 136); помета «сметрил» на деле по челобитной (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1956. Л. 10); помета на челобитной, 1704 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52259. Л. 1 об.); скрепа на наказе Иевлеву, 1706 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2086. Л. 2); скрепы на приходе-расходе книг Приказа крепостных дел, 1705—1709 гг. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122, 170); пометы на деле по челобитной, 1707—1708 гг. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2094. Л. 5—5 об., 16, 17); помета на деле по высылке подьячего, 1709 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52269. Л. 2 об.); припись на отпуске грамоты, 1709 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52270); скрепа на деле о проверке книг, 1709 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52271); приговор на деле по челобитной, 1710 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2136. Л. 5).

необходимости Курбатов готов был энергично защищать своих союзников. Однажды, когда Обухов подвергся оскорблению и побоям со стороны грозного начальника Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановского, Курбатов немедленно отправил царю возмущенное послание с описанием всех обстоятельств дела и категорично выраженную просьбу изъять рагушских подьячих из ведения этого «скудного в рассудках, но великомочного в своем правлении» барина, угрожая, что иначе «туне будет происходить мое усердие, которым истинно, государь, желал светлу при помощи божии показать Рагушу, а таковых ради прелятий и страха видно, что болши снисходить им будет».³⁶ Назначение Курбатова архангельским вице-губернатором обернулось для Хрипунова новым повышением,³⁷ а в своем карьерном падении начальник, напротив, постарался не увлечь его за собой.³⁸

В Россию он сразу получил хорошую должность, поступив переводчиком в петербургскую Канцелярию от строений. Профиль его первого места службы соответствовал, таким образом, занятиям старшего брата, который вместе с Курбатовым подвизался не только у крепостного дела, но и у строительства цейхауза в московской Канцелярии каменных дел. В 1720 г. Кузьма устроился в Коллегию иностранных дел, престижнейшее центральное учреждение того времени, служить в котором было особенно приятно, ибо жалование выплачивалось регулярно, а работа была самая покойная. Кузьма Хрипунов благополучно прослужил там до 1760 г. и вышел в отставку на наиболее выгодных условиях, с повышением чина (до надворного советника) и пенсией в триста рублей (*Joukovskaja A. Le service diplomatique russe au XVIIIe siècle: Genèse et fonctionnement du collège des Affaires étrangères. Thèse de l'École des Hautes Etudes en Sciences Sociales. Paris, 2002 (машинопись)*). С. 429).

³⁶ Письмо от 10 апреля 1706 г. (Письма и бумаги... Т. 4. С. 697—699). Принявшее личный характер столкновение Курбатова с Ромодановским наверняка было следствием предпринятой годом ранее неудавшейся попытки формально разграничить судебную компетенцию Рагуши и Преображенского приказа. См.: Серов Д. О. Судебная система России в канун судебной реформы Петра I: Тенденции развития (1696—1716 гг.) // Проблемы истории России. Вып. 7. Екатеринбург. (В печати).

³⁷ В Архангельске при Курбатове он был дьяком, а затем ландрихтером.

³⁸ У Веселовского неточно указано, что в 1721 г. Хрипунов занимал должность «товарища судьи Юстиц-коллегии на Двине» (*Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие... С. 557*). На самом деле, после смерти Курбатова он оставался ландрихтером, а после ликвидации городских судов был назначен, 17 мая 1723 г., секретарем в Ревизион-контору Сената (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1914. Л. 104 об.).

1.3. Вхождение Курбатова во власть

Учитывая, что дальнейшая судьба крепостного дела была тесно связана с назначением Курбатова инспектором Рагуцкого правления» в начале 1705 г.,⁴² нам необходимо остановиться на предыстории и причинах этого незаурядного события.

Деятельность Курбатова в первые годы службы на государя изучена мало, однако мы не сомневаемся, что он едва ли не сразу обнаружил стремление поставить себя в покровительственно-назначительное положение по отношению к верхушке московского купечества. Не исключено, что первые шаги Курбатова в этом направлении были связаны с реализацией замыслов о введении гербовой бумаги.⁴³

Как известно, запуск производства гербовой бумаги не потребовал особых организационных усилий. За первые полгода силами персонала Оружейной палаты ее было «наклеено много число». ⁴⁴ Напротив того, наладить ее реализацию оказалась головоломной задачей, поскольку Оружейная палата, в соответствии со своей хозяйственной спецификой, не располагала сетью местных учреждений или агентов, которые могли бы взять на себя бесперебойную продажу бумаги по всей России, регулярную доставку вырученных денег в Москву, меры по борьбе с изготовителями фальшивой бумаги и т. п.⁴⁵

Изначально было решено, что продажей бумаги в Москве будут заниматься приказы, а в остальных городах — подведомственные им учреждения.⁴⁶ Однако уже через несколько месяцев выясни-

⁴² Наказные статьи от 9 февраля 1705 г. (ПСЗ. Т. 4. № 2028. С. 287—288).

⁴³ Интересно, что первый указ о выборах бурмистров состоялся всего через неделю после указа о введении гербовой бумаги (30 января 1699 г., именной. ПСЗ. Т. 3. № 1674. С. 598—600).

⁴⁴ Именной указ от 13 ноября 1699 г. (ПСЗ. Т. 3. № 1717. С. 668).

⁴⁵ В 1699—1700 гг. было напечатано более чем на триста тысяч рублей гербовой бумаги, но к концу 1701 г. израсходовано менее чем на двадцать тысяч по всей стране. За девять лет продана была только половина этого запаса, причем среднегодовой доход составил около четырнадцати тысяч рублей (Милюков П. Н. Государственное хозяйство... С. 109). Подробные сведения о производстве и распространении гербовой бумаги, а также о доходах заключены в приходе-расходных документах Оружейной палаты: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986—1017 (содержание некоторых книг подробно описано: Викторов А. Описание записных книг и бумага старинных дворцовых приказов, 1613—1725 г. Вып. 2. Москва, 1883. С. 465—490).

⁴⁶ Именной указ от 23 января 1699 г. (ПСЗ. Т. 3. № 1673. С. 597—598).

лось, что у приказов появились конкуренты в лице единоличных продавцов «всяких чинов», торговавших бумагой по ценам вдвое выше назначенных.⁴⁷ Они делали это без малейшего нарушения буквы закона, пользуясь грубым упущением в тексте именного указа.⁴⁸ Ошибка была исправлена в новом указе, который одновременно кардинально изменил принцип распространения гербовой бумаги: «... и которая клейменная бумага в Оружейной палате налицо есть для посылки в города, отослать в палату к бурмистром, а деньги за-тое клейменную бумагу взять у них, бурмистров, ныне...», а им, бурмистром, тое бумагу приняв, послать в города без мотчанья и для продажи отдать градским бурмистром, и приказать им накрепко, чтоб они тое клейменную бумагу продавали с великим радением, ценою против сего его великаго государя указу».⁴⁹

Иными словами, правительство решило воспользоваться для реализации гербовой реталии ресурсами только что возникшей сети управления городами, навазав Бурмистерской палате (так называлась тогда будующая Рагуша) гибрид откуда и «верной службы» на очень удобных для казны и крайне невыгодных для купцов условиях.⁵⁰

Протипрированное распоряжение было отменено через месяц в новом указе, восстановившем первоначальную схему распространения гербовой бумаги через приказы в Москве и воевод в городах,⁵¹ а на следующий год снова введено в силу.⁵² Столь сильные

⁴⁷ Именной указ от 12 октября 1699 г. (ПСЗ. Т. 3. № 1703. С. 651). В частности, гербовую бумагу в Москве и в других городах продавали мастера Оружейной палаты, оставшиеся без заказов (Уеленский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века: Словарь. М., 1910). Впрочем, некоторые из них предпочитали подделывать гербы (запись в делах Оружейной палаты о высылке иконописцев на вечное житье в Азов: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 987. Л. 232—232 об.).

⁴⁸ Малопритная обязанность докладывать об этом царю выпала думному дьяку Автаману Иванову. См. упоминание об этом в именном указе от 13 ноября 1699 (ПСЗ. Т. 3. № 1717. С. 668).

⁴⁹ Именной указ от 12 октября 1699 г. (ПСЗ. Т. 3. № 1703. С. 651. Выделено нами. — А. Ж.).

⁵⁰ Этот любопытный образчик мышления петровских фискалистов прекрасно иллюстрирует хищническую политику Петра I в отношении купечества (Толыкова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 176—180).

⁵¹ Именной указ от 13 ноября 1699 г. (ПСЗ. Т. 3. № 1717. С. 668).

⁵² Именной указ от 24 мая 1700 г. (ПСЗ. Т. 4. № 1786. С. 24—25. В ПСЗ ошибочно указан номер 1286).

колебания можно расценить как свидетельство закалистой борьбы между сторонниками использования системы купеческого откупа и защитниками метода прямого приказного управления. Положительное «прибыльщика» обязывало Курбатова заботиться о наискорейшей реализации бумаги при соблюдении запланированного уровня доходности. Нетрадиционные условия упомянутого выше откупа гарантировали выполнение обоих требований, и логично предположить, что они были сформулированы именно им. Приказные дельцы, со своей стороны, не могли не делить мысль о тысячах рублей новоучрежденного гербового сбора, которые стали бы проходить через их руки, при случае частично оседая в их карманах.⁵³

Вполне вероятно, что инициатором указов об откупе гербовой бумаге бурмистрами являлся Курбатов, хотя прямых свидетельств о его авторстве мы не имеем, как не знаем, был ли он знаком с европейским опытом *tax farming* в области гербовой реталии.⁵⁴

⁵³ Это наблюдение соответствует выводам П. Н. Милокова об общих тенденциях развития финансового хозяйства России на рубеже веков, одна из которых заключалась в устранении приказного элемента от взимания сборов. Правительством выделено в этом путь к увеличению доходности пошлин, считая, что приказные не обеспечивали полноту сбора и составляли «непроизводительный и лишний расход» на его взимание. Создание Ратуши явилось наиболее ярким выражением этой политики (*Милоков П. Н. Государственное хозяйство... С. 121*).

⁵⁴ В европейских государствах, как известно, власть обычно не брала на себя заботы, связанные с эксплуатацией гербовой реталии, предпочитая отдавать ее на откуп. В то самое время, когда Курбатов со своим хозяином возвращался в Россию с острова Мальта, право на торговлю гербовой бумагой во Франции как раз перешло в руки нового откупщика — крупной финансово-купеческой компании, которая нанимала многочисленный персонал в составе директора, хранителя главного склада, группы инспекторов и, по меньшей мере, по одному торговому агенту на каждый населенный пункт, не говоря уже о техническом персонале для транспортировки бумаги и т. п. Ключевым звеном всей организации являлись инспектора. Они обязаны были постоянно обзывать бюро продаж, обеспечивать своевременную доставку бумаги всех сортов, собирать с агентов доход, расписываться с ними, проверять их бухгалтерскую отчетность, следить за объемом реализации, оперативно определять причины его падения, если такое происходило, и бороться с ними (например, выявлять изготовителей фальшивой бумаги и безжалостно преследовать их в судебном порядке). Компания напечатала на свои средства подробную инструкцию карманного формата, предназначенную для персонала всех категорий: *Instruction pour les commis employez à la Ferme du papier et parchemin timbré dans toutes les generalitez du royaume de France. Ouvrage aussi utile à Messieurs fermiers*

Так или иначе, наличие у Курбатова амбиций в области контроля над купечеством с полной очевидностью проявилось во время кампании 1704 г. по сбору сказок о торговых капиталах, когда Курбатов инициировал и провел два громких следствия: о злоупотреблениях купцов.⁵⁵ Эти события немедленно повлекли за собой ряд важных для нашей истории последствий.

Во-первых, Курбатов имел несчастье навлечь на себя неудовольствие семьи своего начальника Головина.⁵⁶ Это означало, что положение дьяка Оружейной палаты потеряло для Курбатова значительную часть своей привлекательности. Возникла необходимость подумать о перемене карьеры, побудившая его, в частности, прибегнуть к покровительству Меншикова.⁵⁷ Во-вторых, расклученные Курбатовым расследования показали правительству необходимость ужесточения контроля за коммерческими оборотами купцов. И в-третьих, Курбатов зарекомендовал себя перед царем как следователь неподкупный и целеустремленный, который, с одной стороны, не боялся навлечь на себя гнев «не точию от простоты чинных, но и от великодушных»,⁵⁸ а с другой — располагал ценными связями в купеческой среде и готов был употребить их на пользу великого государя.⁵⁹

Таким образом, мысль о создании для Курбатова должности инспектора Ратуши должна была возникнуть у Петра I и его окру-

qui aux sompis. Paris, 1698. Во Франции расходы компании на персонал должны были окупаться с лихвой, ибо королевские ордонансы обязывали покупать гербовую бумагу не только частных лиц для нотариальных актов, но и всех чиновников суда и администрации, а также коммерсантов для ведения делопроизводства во всем его объеме. Вряд ли Курбатов мог бы вообразить себе что-либо подобное в России. Зато его вполне мог заинтересовать более скромный пример Испании, где гербовую бумагу покупали частные лица для актов, которые они намеревались зарегистрировать на случай использования их в королевском суде (контракты, завещания, судебные приговоры и т. п.).

⁵⁵ О «воровстве» в Серебряном ряду и об утаенных деньгах купцов Шустовых (*Соловьев С. М. История России... Кн. 8. С. 70—72*).

⁵⁶ Письмо Курбатова Петру I, цит. по: *Соловьев С. М. История России... Кн. 8. С. 71*.

⁵⁷ Письмо Курбатова Головину от 17 ноября 1704 г., цит. по: *Серов Д. О. Круги судьбы... С. 180*.

⁵⁸ Выражение Курбатова из письма к Петру I от 10 апреля 1706 г. (Письма и бумаги... Т. 4. С. 697).

⁵⁹ Одно из упомянутых дел, начатое по доносу Курбатову на купца гостинной сотни Немчинова, принесло казне более пятидесяти тысяч рублей.

жения сама собой, будучи подготовлена всей деятельностью Курбатова на царской службе. Почетная форма объявления об этом пожаловании также говорит о том, что оно носило характер награды за оказанные ранее заслуги.⁶⁰ Это назначение одновременно явилось важной страницей административной истории России, вершинной карьеры самого Курбатова, а также поворотной вехой в истории крепостного дела.

1.4. Эмансипация крепостного дела

В литературе принято неточное мнение, согласно которому в 1705 г. крепостное дело было передано из ведения Оружейной палаты под управление Рагуши.⁶¹ На самом деле, первоначальный формуляр входящих и исходящих бумаг по крепостным делам («В Оружейной палате боярин Головин с товарищи») использовался до июня 1705 г., когда он был переименован на «боярин Феодор Алексеевич Головин да инспектор рагушского правления Алексеи Александрович Курбатов».⁶² С этого же момента подьячие Оружейной палаты стали отмечать, записывая в приход крепостные сборы, что эти деньги присланы в палату «рагушского правления от инспектора»⁶³ (а не «из Рагуши», как они писали по поводу других сумм⁶⁴). Кроме того, на сегодняшний день не обнаружено никаких материалов, показывающих, чтобы кто-нибудь из московских бурмистров имел касательство к крепостному делу ни до, ни после этого момента. Все это свидетельствует о дистанцировании крепостного дела как от Оружейной палаты, так и от Рагуши, при

⁶⁰ Полагаем, что Петр I преподнес эту новость Курбатову в качестве подарка, когда приехал к нему в дом крестить сына. Скорее всего, именно так надо понимать собственноручную записку царя: Письма и бумаги... Т. 3. С. 543.

⁶¹ *Капустина Г. Д.* Записные книги... С. 220; *Бабич М. В.* Приказ Крепостных дел // Государственность России (конец XV в.—февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Т. 3. М., 2001. С. 395.

⁶² Челобитная от 30 ноября 1705 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52260. Л. 6); приказы от августа и сентября 1705 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2000. Л. 6 об.—7); приказ от 28 ноября 1705 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52260. Л. 4 об.—5); приказ от 20 июня 1705 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52259. Л. 4 об., 6 об.—7).

⁶³ Приходо-расходные ведомости Оружейной палаты, 1705 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 997. Л. 48, 71 об., 111 об.; Д. 1002. Л. 28 об.).

⁶⁴ Приходо-расходные ведомости Оружейной палаты, 1702—1703 гг. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 47).

сохранении влияния на него Головина и Курбатова лично. Стремление историков интерпретировать произошедшие в 1705 г. изменения в статусе крепостного дела как сугубо институциональную перестановку не просто порождает фактическую неточность, но, главное, полностью экранирует оригинальные черты административной логики петровского времени.

Суть произошедшего заключалась в изменении иерархического положения самого Курбатова, которое повлекло за собой изменение в статусе порученного ему крепостного дела.⁶⁵ Пока Курбатов принадлежал к числу рядовых дьяков, его роль в управлении данной сферой была скрыта от непосредственных стандартных формуляром Оружейной палаты. Новое назначение принесло ему статус первого судьи, о чем явно свидетельствовал утвержденный царем для рагушских документов формуляр «инспектор Рагушского правления... Курбатов с товарищи».⁶⁶ Курбатов немедленно воспользовался этой переменной, чтобы добиться для крепостного дела более независимого положения. Получив повеление управлять крепостным делом «кроме Оружейной палаты»,⁶⁷ Курбатов немедленно выехал из ее помещений и перевез крепостные бумаги «на казенный двор при цейхоусьном строении».⁶⁸

Собранную в Москве и в провинциях крепостную казну доставляли теперь не в Оружейную палату, а именно сюда.⁶⁹ Здесь же,

⁶⁵ Аналогичные наблюдения сделаны на материале местных учреждений: *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: Западные уезды Сибирской губернии в 1711—1727 гг. Екатеринбург, 2007. С. 162, 176—177.

⁶⁶ Наказные статьи об этом содержится в именном указе от 15 октября 1707 г. (ПСЗ. Т. 4. № 2160. С. 389).

⁶⁷ Упоминание об этом содержится в именном указе от 15 октября 1707 г. (ПСЗ. Т. 4. № 2160. С. 389).

⁶⁸ Приходо-расходная книга Приказа крепостных дел (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 2, 49—49 об.). Этот двор также находился в Кремле и принадлежал Каменной канцелярии, которой по указу от 12 ноября 1701 г. было поручено строительство цейхгауза в Кремле. В начале века канцелярия управлялась из Оружейной палаты, однако по указу от 23 февраля 1705 г. она поступила в ведение Курбатова, которому было повелено оплачивать строительство цейхгауза из крепостных доходов (Дела и документы о расходах Оружейной палаты за 1701—1705 гг.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986—997. *Сперанский А. Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 204; *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг... Вып. 2. С. 469—470; *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1995. С. 410—412).

⁶⁹ Речь идет именно о доходах от записки крепостей. Изготовлением и продажей гербовой бумаги продолжала заниматься Оружейная палата, что

а отнюдь не в Рагуле, эту казну «считали» и хранили, здесь составляли финансовую отчетность, сюда надсмотрщики крепостных дел направляли свои доношения, а население — свои челобитные с жалобами на них.⁷⁰ Пространственное обособление крепостного дела стало своеобразным катализатором его институционализации, поскольку автоматически повлекло за собой выделение крепостного делопроизводства, фондов и персонала из делопроизводства, фондов и персонала Оружейной палаты. Тем не менее, судя по уже упомянутому едвенному формуляру «... Головин и ... Курбатов», боярин сохранял за собой официальное право управления крепостными делами до самой смерти — в течение полугода лет после переезда Курбатова из Оружейной палаты.⁷¹

Мы обнаружили лишь один случай прямого вмешательства Головина в крепостные дела,⁷² однако это не означает, что его власть имела символический характер. Ее реальный вес проявился в сфере финансовых расчетов. Напомним, что Курбатов был отпущен из Оружейной палаты, так сказать, с портуфелем и командой, но фактически без денег. Ему пришлось согласиться на «договор» с Головиным,⁷³ согласно которому львиная доля крепостных сборов (двадцать пять тысяч в год) должна была по-прежнему поступать в Оружейную палату.⁷⁴ Курбатову предоставлено было распоряжаться из ее приходо-расходных документов за позднейшие годы: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 974—975 (1711—1712 гг.); Д. 977 (1714 г.); Д. 1012 (1715 г.); Д. 1015 (1721 г.).

⁷⁰ Примеры крепостного делопроизводства, ведшегося при «шейхгаузном строении»: дело о назначении надсмотрщика (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087. Л. 1—6); дело о назначении и смещении подьячих (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2000); дело по челобитью площадных подьячих (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52260).

⁷¹ Таким образом, Курбатов несколько искажал факты, когда утверждал в 1707 г., что крепостной сбор был «управляем приказным обыкновением дел» под его единоличным началом уже с 1705 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 49).

⁷² Когда Курбатову захотелось выдать самому себе четыреста рублей из крепостных доходов в форме награждения «за труд» у крепостных дел, он подал об этом челобитную Головину и получил его согласие (приходо-расходная книга Приказа крепостных дел: РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 170. Л. 36).

⁷³ Слово договор употребляет в письме Головину П. П. Шафиров, находящийся в курсе всех расчетов с Курбатовым (Письма и бумаги... Т. 4. С. 814).

⁷⁴ Первое упоминание об этой сумме в приходо-расходных документах Оружейной палаты находим в годовой ведомости 1705 г. (РГАДА. Ф. 396.

ржаться лишь «приборными» деньгами, т. е. собранными сверх указанной суммы.⁷⁵

При жизни Головина Курбатов действительно посылал деньги в Оружейную палату,⁷⁶ хотя уже в это время делал это неохотно и с задержками.⁷⁷ П. П. Шафиров неоднократно доносил об этом Головину, а однажды даже пожаловался на Курбатова Петру I за неисполнение «договора», причем царь обещал напустить на него Ф. Ю. Ромодановского.⁷⁸ Когда же Головина не стало (он скоропостижно умер в июле 1706 г.), выплаты и вовсе прекратились.⁷⁹

Со смертью боярина Курбатов оказался единственным и подконтрольным хозяином в этой сфере управления, что хорошо видно из отчаянного письма Петру I от адмиралтейца Ф. М. Апраксина, которому временно была передана часть обязанностей покойного: «А в Оружейной, государь, полагая наличо денег его пять рублей; а из Рагули окладных, которые доведется взять с крепостных дел на нынешней год, многова не прислали ... Ежели не уехал господин Курбатов, изволишь ему наказати с прещением, чтоб он окладные денги прислал; боюсь того, чтоб не остановить оружейных дел и великих полковых припасов; а без подтвердителнова указу от него никакой пользы не будет и слушать ни в чем не станет. Умилиосердн-

Оп. 2. Д. 997. Л. 11 об.); в приходо-расходной книге Приказа крепостных дел (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 1—1 об.); в именном указе от 15 октября 1707 г. (ПСЗ. Т. 4. № 2160. С. 389).

⁷⁵ По аналогичному принципу выстраивались отношения новообразованной Ижорской канцелярии со старыми приказами (Миллюков П. Н. Государственное хозяйство... С. 154—157).

⁷⁶ Приходо-расходная книга Приказа Крепостных дел (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 1—1 об., 49).

⁷⁷ Согласно приходным записям в книгах Оружейной палаты, в 1705 г. она получила 19 500 рублей крепостных денег (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 997. Л. 111 об.).

⁷⁸ Письмо Шафирова Головину 1706 г. (Письма и бумаги... Т. 4. С. 814—815). Указ Ромодановскому датирован 23 апреля 1706 г. (Письма и бумаги... Т. 4. С. 218).

⁷⁹ В 1706 г. Оружейная палата получила от Курбатова 15760 рублей, а в 1707 г. и вовсе только 4000 рублей (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1002. Л. 87, 168). Любопытно, что, когда в 1707—1708 гг. в Приказе крепостных дел составляли регрессивные приходо-расходные ведомости для отчета перед Ближней канцелярией, о задержках и допках не было сказано ни слова. Утверждалось, напротив, что окладные деньги отпущались в Оружейную палату «сполна» и даже с опережением графика (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 9—9 об., 17 об., 49).

ся, государь, не остави меня в том моем бедстве, прикажи ему подтвердить, чтоб он окладные денги по указом давал без задержания».⁸⁰

Итак, хотя исчезновение Головина и не привело к немедленно-му демонтажу Оружейной палаты как учреждения (она по-прежнему отвечала за выполнение ряда важных государевых дел⁸¹), однако оно аннулировало «договор», согласно которому Курбатов пересылал туда крепостные доходы. Следует заключить, что это обязательство носило личный, а не институциональный характер, по крайней мере, в представлении самого Курбатова. Апраксин, со своей стороны, не рассматривал позицию Курбатова как аномалию — он не требовал наказывать его за злостное неповиновение указам, а лишь обращал внимание царя на возникшие организационные затруднения. Продвигиванный фрагмент позволяет сделать вывод, что в среде административной элиты крепостное дело воспринималось не как учреждение, а как одна из ипостасей деятельности самого Курбатова. Только так можно объяснить ошибку Апраксина, заключившего о принадлежности крепостных доходов Рагуше на основании того, что крепостными делами распоряжался Курбатов и что он имел чин инспектора Рагушского правления.

На наш взгляд, приведенный пассаж демонстрирует нормальную для того времени административную логику. Разделение институциональных и межличностных отношений не мыслилось тогда как нечто само собой разумеющееся, а конкретные лица неизбежно ассоциировались с выполняемыми ими должностными обязанностями и в большей или меньшей степени идентифицировались с ними. В случае Курбатова слияние оказалось полным, поскольку приказанное-порученное ему крепостное дело от начала и до конца являлось его личным достижением. Подобное отношение было характерно для многих «государевых слуг и работников», пусть и не в столь ярко выраженной форме. Поэтому, пока «курбатовская» ментальность оставалась доминирующей, глубокие реформы в управлении были, видимо, просто невозможны, ибо всякая новая схема устройства того или иного учреждения отразала существующие межличностные отношения и одновременно вызывала к жизни новые связи, а каждая новая административ-

⁸⁰ Письмо от 25 августа 1706 г. (Письма и бумаги... Т. 4. С. 994).

⁸¹ Впрочем, это продолжалось недолго. В последующие годы деятельность Оружейной палаты постепенно свелась к производству и продаже гербовой бумаги (приходо-расходные дела и документы Оружейной палаты: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 974—1015).

ная конфигурация государства еще долго сохраняла память об одной, а то и о нескольких предыдущих.

1.5. Приказ крепостных дел

Несколько месяцев спустя Курбатов добился от царя разрешения отсылать упомянутые двадцать пять тысяч рублей не в Оружейную палату, с которой у него не осталось никакой связи, а в Рагушу — центральную государственную казну, очень кстати находившуюся под его непосредственным управлением.⁸² Отметим сразу, что данная перемена привела не к растворению крепостного дела в рагушском делопроизводстве, а, напротив, к усилению его институциональной независимости вследствие пожалования ему статуса приказа.

Вопреки принятым в историографии мнениям, официальное учреждение Приказа крепостных дел состоялось 21 октября 1707 г., а отнюдь не в 1701 г.⁸³ и произошло оно по специфическим внутренним мотивам институциональной истории, а не вследствие экономических причин, якобы вызванных губернской реформой 1708 г.⁸⁴

Создание Приказа крепостных дел стало результатом ряда событий, не имевших прямого отношения к крепостному делу как таковому. Увлечшись петербургским проектом, Петр I потерял интерес к строительству цейхауза в Москве и велел Курбатову приостановить его.⁸⁵ Объектом для неких целей немедленно завладел Меншиков и выселил Курбатова с его подьячими из обжитых помещений, в том числе повелев: «перенести крепостные дела куда пристойно».⁸⁶ По каким-то соображениям Курбатов не отправил их в Рагушу, а распорядился освободить под них помещение в Палатке крепостных дел на Ивановской площади Кремля.⁸⁷

⁸² Указ Петра I Курбатову от 11 марта 1707 г. (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5: СПб., 1904. С. 123).

⁸³ Бабич М. В. Приказ крепостных дел... С. 395. Дата 30 января 1701 г. может считаться днем основания не приказа, а лишь московской Палатки крепостных дел (именной указ Рагушу: ПСЗ. Т. 4. № 1833. С. 138—139).

⁸⁴ Николаева М. В. Введение... С. 14—15.

⁸⁵ Письмо царя Курбатову от 2 мая 1707 г. (Письма и бумаги... Т. 5. С. 229).

⁸⁶ Приходо-расходная книга Приказа крепостных дел (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 49 об.).

⁸⁷ В XVII в. на этом месте, вероятно, находилось помещение, где писали акты площадные подьячие (Забелин И. Е. История... С. 314). С начала следующего столетия здесь стали продавать гербовую бумагу и здесь же раз-

Начиная с этого времени Курбатову следовало регулярно навещать сюда для управления крепостными делами и, думается, не случайно, что именно в этот момент он вдруг озаботился вопросом присвоения занятому им для себя помещению официального названия Приказа крепостных дел... Превратившийся в ратушского судью бывший холоп не мог без «утерки для чести чина» «сидеть» в какой-то там «палатке». Полагаем, что имена учреждений, наравне с именами чинов и должностей, составляли в ту эпоху значимую часть символического языка чести.

Интересны аргументы, представленные Курбатовым главе Рязанского приказа Т. Н. Стрешневу для обоснования своего требования: «И сего ж года [1707] октября в 21 день по доношению обер-инспектора [Курбатова] боярин Тихон Никитич Стрешнев // приказал вышлепманутую полугу в которой ныне те [крепостные] дела управляют писать приказом крепостных дел дел того, что и в других приказах есть других дел ведомья приказы, а именно при посольском приказе княжества смоленского и другая,⁸⁸ а крепостные дела дело всех городов и збор денгом многих тысяч.

И из розряда и из приказов и концелярей по государевым и челобитчиковым делам к обер-инспектору в указах пишут приказом же крепостных дел».⁸⁹

Выше мы показали, что статус крепостного дела был теснейшим образом связан с иерархическим положением самого Курбатова. Тем не менее, в своей аргументации Курбатов вовсе не обращается к доводам лично-иерархического порядка, отдавая предпочтение ссылкам на различный рода прецеденты, а также

мстели в 1701 г. новоучрежденных подьячих крепостных дел, заменивших собой площадных подьячих. В 1705—1706 гг., как только Курбатов получил должность инспектора Ратушского правления и стал более свободно распоряжаться крепостными доходами, палатка была отремонтирована и значительно расширена. Сохранилась смета строительства, по которой специалисты смогли бы воостановить общий облик этих кремлевских помещений. Мы же только в состоянии указать, что обновленная палатка была солидным каменным зданием с добрым десятком окон, на постройку которого ушло более пятисот рублей (ведомости о приходе и расходе Оружейной палаты: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 47 об.; приходо-расходная книга Приказа крепостных дел: РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 16—17 об.).

⁸⁸ Речь идет о четвертях, которые во последней трети XVII века стали называться приказами.

⁸⁹ Они скопированы в скрепленной Курбатовым справке о крепостных делах, поданной в Ближнюю канцелярию в декабре 1707 г. (РГАДА. Ф. 396.

чисто функциональным соображениям: широте компетенции и фискальной значимости крепостного дела. Иными словами, для обоснования необходимости присвоения данному комплексу административных и судебных действий статуса приказа Курбатов испытывал потребность в использовании абстрактной институциональной логики, хотя и облекал ее в конкретную форму.

Мы видим здесь важную черту мышления деятелей петровского времени, отличающую их от их предшественников. В моюскую эпоху лично-иерархическая аргументация пользовалась полной легитимностью во всех сферах управления, что прекрасно сформулировал еще А. Д. Градовский.⁹⁰ Напротив того, одной из характерных черт мировоззрения, а зачастую и поведения Петра I было, как известно, предпочтение «дела» лицам, и, как видно на примере Курбатова, сотрудники царя волей-неволей усваивали этот принцип, по крайней мере, на языковом уровне.⁹¹

Узнав о положительном решении Стрешнева, подьячие обставили одно из помещений Палатки крепостных дел подобающим для судейской палаты⁹² образом, благодаря чему обер-инспектору Ратушского правления⁹³ уже не стыдно было появляться здесь в качестве начальника. Другим осязаемым выражением превращения крепостного дела в полноценное по тем временам учреждение стало оформление бухгалтерской документации. До этого момента крепостные сборы были растрворены в общем доходе Оружейной

Оп. 3. Д. 122. Л. 49 об.—50). Единственный встретившийся нам пример такого словоупотребления в официальном тексте содержится в именном указе от 3 апреля 1702 г. (ПСЗ. Т. 4. № 1907. С. 191).

⁹⁰ «Как бы ни было маловажно дело, порученное боярину или окольному, он не могло уже по значению своему уступать другому, более важному делу. Его значение тесно связывалось с родовой честью того человека, который им заведовал: подчинить одно ведомство другому значило, по тогдашним понятиям, прежде всего подчинить одного боярина другому, а при этом могло произойти нарушение стелени родовой, чего, конечно, не допустили бы местные правила» (*Градовский А. Д. Собрание сочинений*. Т. 1. СПб., 1899. С. 69).

⁹¹ Ср. выволды Живова о феномене языковой лояльности (или оппозиции) петровским реформам (*Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века*. М., 1996. С. 17, 67—73, *passim*).

⁹² Куплены были оловянная чернильница и медный подсвечник на судейский стол, три ящика для хранения денежной казны были окованы железом и изготовлены железные запоры на шкафы для бумаг и на дверь, ведущую в сени (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 40).

⁹³ «Обер-инспектором» Курбатов начал писаться в 1706 г., нам неизвестно, по какому указу.

палаты, составившемся из самых разных источников. С 1707 г., напротив, Приказ крепостных дел начал представлять в Ближнюю канцелярию отдельный финансовый отчет наравне с другими самостоятельными приказами и канцеляриями. Первая приходо-расходная книга Приказа крепостных дел была оформлена с большим тщанием и сразу переплетена в кожу,⁹⁴ что нехарактерно для административных реальных петровского царствования и, на наш взгляд, является косвенным, но и по сей день осязаемым показателем того значения, которое Курбатов придавал получению его детищем официального статуса приказа.

Важно отметить завершенность пройденного крепостным делом процесса институциональной кристаллизации. Доказательство тому мы видим в успешном продолжении приказом своей деятельности после отъезда Курбатова и Хрипунова в далекий Архангельск в начале 1711 г. В ситуации, создавшейся в годы губернской реформы, когда большинство центральных учреждений были попросту уничтожены, сохранение Приказом крепостных дел своей компетенции, пусть и в сокращенном, внутругубернском, виде, свидетельствует о прочности его институциональной основы. Дополнительным подтверждением этого является роль, исполненная приказом в годы следующей крупной реформы — коллежской. В 1719 г., когда в рамках восстановления центрального аппарата было решено передать общегосударственное управление крепостными делами в создававшуюся в Санкт-Петербурге Крепостную контору при Юстиц-коллегии, только обращение к накопленному и сохраненному Приказом крепостных дел опыту и квалификации его служителей позволило правительству как-то справиться с реализацией этого замысла.⁹⁵

Предпринятая реконструкция сотканной из деталей и нюансов предыстории появления Приказа крепостных дел стоила, как нам кажется, труда, ибо она позволяет лучше понять динамику формирования административного пейзажа, непрерывно менявшегося под влиянием как объективных внешних условий, так и субъективных, но весомых реальных межличностных отношений. Вопреки широко распространенному мнению, импульсы этих двух сил далеко не всегда были разнонаправленными. Когда же они действительно подталкивали к несовместимым практическим решениям, то обладание того или иного из них зависело от многочисленных конкретных параметров данной ситуации. Обработанный к настоящему времени историками администрации эмпирический материал

⁹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 2, 49—49 об.

⁹⁵ Балакирева Л. М. Создание Крепостной конторы... С. 209.

пока не позволяет, как нам кажется, сделать достаточно обоснованные выводы о существовании в петровское время общей тенденции к рационализации управления, если понимать под этим термином уменьшение значения личного фактора.

Впрочем, очевидно, что, каково бы ни было личное положение Курбатова в правящей элите, одного его было бы недостаточно, чтобы обеспечить Приказу крепостных дел долгосрочную институциональную стабильность. Для этого необходимо было повести дело таким образом, чтобы крепостная записка получила прочные социально-экономические основания. Иными словами, исполнители на местах должны были находить интерес в выполнении предписанных им обязанностей, а население — в том, чтобы обратиться к их услугам. Достижение такого результата во многом зависело от методов управления Курбатова, к изучению которых наступила пора обратиться.

2. УПРАВЛЕНИЕ КРЕПОСТНЫМ ДЕЛОМ

2.1. География и бухгалтерия крепостного дела

Перед тем как приступить к анализу методов управления как таковых, необходимо представить себе размеры хозяйства, к которому они применялись.

Согласно сведениям, собранным нами к моменту написания данной статьи, в петровское время крепостное дело существовало, по меньшей мере, в девятиста семи населенных пунктах.⁹⁶ Местные крепостные учреждения располагались, как правило, в центральных городах уездов, реже в «пригородах» или крупных селах.⁹⁷

В Московском районе, кроме Москвы, лишь два города, Серпухов и Дмитров, предлагали услуги по письму крепостей. Очевидно, большинство жителей всех десяти московских уездов предпочитало писать акты в кремлевской Палатке крепостных дел.

В районах, прилегающих к Московскому, крепостные учреждения имелись везде, кроме западной части. К северу от Москвы лежал Тверской район с семью центрами письма крепо-

⁹⁶ Гербовая бумага поставлялась в значительно большее число пунктов, информацию о которых можно при желании извлечь из цитированных выше приходо-расходных дел Оружейной палаты.

⁹⁷ В нижеизложенном изложении районирование и сведения о составе уездов взяты из книги Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII—первой половине XIX в.: Размеры и размещение. М., 1988. С. 249—277.

ное учреждение — в Белой. На Северо-Западе в Новгородском районе были четыре пункта,¹¹³ в Псковском — два,¹¹⁴ и в Санкт-Петербургском — пять.¹¹⁵

Несмотря на скромность абсолютных цифр, следует признать, что Курбатов достиг значительных успехов в распространении сети крепостных учреждений. Нельзя забывать, что выбор подьячих к крепостным делам в провинции обычно зависел от инициативы обывателей или самих кандидатов, которая могла возникнуть только в тех населенных пунктах, где существовал реальный спрос на совершение крепостей, достаточный, чтобы прокормить хотя бы одного подьячего.

В большинстве из упомянутых пунктов работали два-три, а местами и значительно большее число специальных агентов — крепостных дел «надзорщиков», «надсмотрщиков» и подьячих (или дьячков). Общее число служителей, по самой скромной оценке, значительно превышало триста человек. За их деятельностью требовалось постоянно следить, защищая, с одной стороны, интересы казны, а с другой, ограждая население от чрезмерных поборов, чреватых социальными конфликтами, о чем будет сказано ниже.

Обратимся теперь к денежной стороне вопроса. Предлагаемая таблица дает приблизительное представление о размерах крепостного сбора по Москве и остальным населенным пунктам и о проценте крепостной пошлины в общей сумме прихода всех московских приказов, включая Рагушу¹¹⁶ (см. табл. 1).

Подчеркнем, что данные цифры показывают валовый приход. К сожалению, сохранившиеся материалы позволяют вычислить доли операционного расхода и чистой прибыли лишь за отдельные годы и только по Москве. Так, в 1701 г. операционные расходы составили двадцать семь процентов от валового прихода, в 1703 г. —

¹¹³ Новгород, Старая Русса, Тихвин, Устюжна Железопольская.

¹¹⁴ Псков и Опочка.

¹¹⁵ Санкт-Петербург, Гдов, Новая Ладога, Кронштадт, Выборг.

¹¹⁶ Источники таблицы: РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 52—53; Д. 170 (приходо-расходные книги Приказа крепостных дел); Милуков П. Н. Государственное хозяйство... С. 580, 584, 588, 592, 596, 600, 604, 607—608, 612, 617. Данные Милукова о доходах Приказа крепостных дел немного расходятся с цифрами приходо-расходных книг приказа, а эти последние, в свою очередь, несколько отличаются от данных приходных дел и документов Оружейной палаты (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 46 об.; Д. 993. Л. 98 об.).

стей,⁹⁸ К северо-востоку и востоку — Владимирский район, где крепостные учреждения имелись в шести уездных городах из семи,⁹⁹ плюс в дворцовых слободах Александра. К юго-востоку находился Рязанский район с двумя крепостными учреждениями.¹⁰⁰ На юге располагался Тульский район с семью из пяти крепостных учреждений.¹⁰¹ А вот к юго-западу от Москвы лежал густонаселенный Калужский район, ни в одном из тринадцати уездов которого не обнаружилось пока ни одного крепостного учреждения, чему мы не имеем удовлетворительного объяснения.

На остальной территории Европейской России в каждом из районов имелось хотя бы по одному крепостному учреждению. В Центре выделялись Ярославский и Костромской районы (по пять пунктов в каждом¹⁰²). В Нижегородском районе было два пункта¹⁰³. На Севере крепостное дело было заведено в Вологодском районе (четыре пункта¹⁰⁴), в Олонецком (два¹⁰⁵), а также в Архангельске и Мезени. В Приуралье крепостные пошлины собирались в Вятском районе (пять пунктов¹⁰⁶), в Пермском (три¹⁰⁷), в Оренбургском (три¹⁰⁸). Десять пунктов было в Среднем Поволжье.¹⁰⁹ Хорошо обеспечены были южные районы: Курский (семь¹¹⁰), Орловский (шесть¹¹¹) и Тамбовский (шесть¹¹²). В Воронежском районе крепостные пошлины собирали только в Палатове (Валуйки). На Западе, в Смоленском районе, было одно крепост-

⁹⁸ Уездные города: Тверь, Бежецк, Кашин, Горжок, плюс Осташков и Вышний Волочок.

⁹⁹ Владимир, Гороховец, Муром, Переславль-Залесский, Суздаль и Юрьев-Польский.

¹⁰⁰ Зарайск и Рязань.

¹⁰¹ Уездные города: Тула, Венев, Елифань, Кашира, Новосиль.

¹⁰² Ярославль, Пошехонье, Романов, Ростов, Углич, Кострома, Галич, Кинешма, Плес, Солигалич.

¹⁰³ Нижний Новгород и Арзамас.

¹⁰⁴ Вологда, Великий Устюг, Соль Вычегодская, Яренск.

¹⁰⁵ Олонец и Каргополь.

¹⁰⁶ Вятка (Хлынов), Котельнич, Орлов, Шестаков, Яранск.

¹⁰⁷ Соль Камская, Верхотурье, Кунгур.

¹⁰⁸ Уфа, Мензелинск, Бирск.

¹⁰⁹ Казань и Козмодемьянск; Саранск и Керенск (Пензенский район); Симбирск, Карсун, Малый Карсун и Сызрань; Царицын в Саратовском районе; Астрахань.

¹¹⁰ Курск, Белгород, Путивль, Рьльск, Старый Оскол, Новый Оскол, Короча.

¹¹¹ Брянск, Карачев, Кромы, Ливны, Мценск, Севск.

¹¹² Тамбов, Кадом, Липецкие заводы, Морша, Темников, Шацк.

около двадцати трех, в 1704 г. — двенадцати.¹¹⁷ Львиную долю операционных расходов в Москве составляло жалование по-
дьячим.

Таблица 1

Год	Москва	«Города»	Всего	%
1701	4502	979	5481	0,1
1702	5798	7636	13 434	0,2
1703	7207	14 481	21 688	0,5
1704	12 180	14 518	26 698	0,9
1705	10 875	16 534	27 409	0,9
1706	10 879	17 469	28 348	1,1
1707	7187	19 255	26 442	1,1
1708	7791	14 258	22 049	1,1

Можно предполагать, что Курбатов был в целом удовлетворен финансовыми результатами своего детища. В общеприказном рейтинге начала столетия Приказ крепостных дел занимал отнюдь не последнее место. По данным на 1708 г.; из трех десятков взимаемых пошлины приказов, приход каждого из десяти лидирующих учреждений значительно превысил сборы Приказа крепостных дел, зато остальные двадцать приказов все вместе собрали меньше, чем он один.¹¹⁸

2.2. Консолидация управления крепостным делом

Одним из главных ключей к успеху крепостного дела было сотрудничество со стороны местных властей, т. е. воевод и приравненных к ним по статусу начальников, ибо, как мы только что показали, Курбатов не сильно преувеличивал, называя крепостное дело «делом всех городов». Между тем, в своем первоначальном качестве дьяка Оружейной палаты Курбатов имел на них мало влияния, поскольку, согласно общему порядку межведомственного подчинения при приказном строе, ему приходилось сноситься с каждым данным воеводой через посредство приказа, из которого

¹¹⁷ Ведомости о приходе и расходе по Оружейной палате (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 46 об.—47 об.; Д. 993. Л. 98 об.—101, 266 об.—267 об.).

¹¹⁸ Подсчитано по: Милоков П. Н. Государственное хозяйство... С. 607—608.

тот был назначен. В довершение всего, в Москве, где запись крепостей была поручена приказам, централизованный контроль за ней также оказался фактически парализован. Неприиспособленность этой системы для его целей стала очевидна Курбатову с самого начала, однако бороться с приказами было, видимо, непросто, поскольку создание единой иерархии управления крепостным делом заняло несколько лет. Внешняя история этого процесса изучена достаточно хорошо, поэтому мы лишь коротко напомним основные события.

Первой победой Курбатова на этом пути стал именной указ о создании специальной категории подьячих крепостных дел, обладавших исключительным правом письма актов, и о передаче крепостной записки в Москве из приказов в специально созданное для этой цели учреждение, уже упоминающуюся Палату крепостных дел, поставленное под управление Оружейной палаты.¹¹⁹

Сделавшись, таким образом, хозяином положения в столичном крепостном деле, Курбатов перенес внимание на провинцию, ситуацию в которой оставалась во власти приказов и воевод. Воспользовавшись медлительностью приказов в организации крепостного дела на местах, Курбатов добился позволения разослать городовым воеводам грамоты с инструкциями на эту тему напрямую из Оружейной палаты.¹²⁰ Пробив эту символическую брешь в исключительном авторитете приказов над городовым крепостным делом, Курбатов на время удовлетворился достигнутым.

¹¹⁹ Именной указ, данный Разряду 30 января 1701 г. (ПСЗ. Т. 4. № 1833. С. 134—139). Проникшее в справочную литературу утверждение о тождественности Приказа крепостных дел и Палатки крепостных дел (Бабиц М. В. Приказ крепостных дел... С. 395) некорректно. Подобно крепостным учреждениям других городов, Палатка крепостных дел не являлась составной частью одноименного приказа, а только подчинялась ему как органу центрального управления. Приказ состоял из Курбатова, Хрипунова и нескольких подьячих и управлял крепостными делами всей страны. В палатке же работали надомогрички и писцы (подьячие) крепостных дел, обязанности которых ограничивались письмом крепостей для населения Москвы. Сохранились списки персонала обоих учреждений за 1705 и 1707 гг. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 2 об.—3, 50—51), а также список первоначального состава палатки 1701 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 46—46 об.).

¹²⁰ Ссылка на такой указ, данный 30 апреля 1701 г., содержится в ведомости о приходе и расходе крепостных денег, поданной в Ближнюю канцелярию в 1702 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 45 об.).

Третья и решающая победа была одержана Курбатовым пятью годами позже, когда он сумел добиться передачи общего контроля над крепостным делом в городах от воевод бурмистрам.¹²¹ В это время Курбатов уже исполнял должность инспектора Ратушского управления, поэтому указанная перемена означала окончательную консолидацию управления в этой области. Как начальник Ратуши Курбатов контролировал бурмистров, а бурмистры следили за служителями крепостных дел, высшей инстанцией для которых являлся тот же Курбатов, на этот раз в качестве начальника крепостного дела. Характерно, что рационализаторский эффект реформы обесценивался, как видим, лишь за счет совмещения двух должностей одним лицом.

Изученные нами архивные материалы позволяют не только уточнить представление о стратегии Курбатова в отношении местной власти, но и отчасти восстановить причины, побудившие Петра I оборвать одну из последних нитей, которая связывала воевод с внутриворонежским управлением.¹²²

Согласно указу «о надзоре» от 22 июня 1704 г., якобы инициатором челобитной жителей Ярославля, населению предоставившая возможность выбрать «надзорщиков» (или «надзираелей») крепостных дел.¹²³ Одним из первых городов, где появилась надзорщик по имени Матвей Жданов, стала Вологда. Учитывая специфику их обязанностей, надзорщикам по определению трудно было избежать столкновения с местной властью. В Вологде оно произошло вскоре после приезда Жданова, судя по тому, что именно с этого момента воевода перестал высылать в Москву крепостные доходы. Дальнейшие события развивались стремительно.

В ноябре 1705 г. бывшие вологодские площадные подьячие, отставленные от дел вследствие крепостной реформы, написали че-

¹²¹ Именной указ, объявленный из Оружейной палаты, 8 января 1706 г. (ПСЗ. Т. 4. № 2087. С. 335—336).

¹²² Следует скорректировать утверждение о том, что с созданием Ратуши «город и городское воеводское обогащения — основной и наиболее прибыльный объект и источник воеводского обогащения — ускользнул из их власти» (*Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 83). Так, контроль над крепостной запиской продолжал приносить воеводам некоторый доход до 1706 г., а возможно, и позже (показание о «почести» воеводе в деле по челобитной ошашковских крепостян, 1704 г.: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1977. Л. 10).

¹²³ Полный текст указа нами не обнаружен, однако цитата из него сохранилась в приказной выписке по делу Матвея Жданова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087. Л. 17, 22 об.).

лобитную с просьбой вернуть им деньги за писчую избу, которую они незадолго до того построили на собственные средства и которая была конфискована у них для размещения в ней подьячих крепостных дел. Когда в Оружейной палате стали делать выписку из челобитной, там очень кстати очутился помощник Жданова Семен Акишев, который и подтвердил справедливость требования просителей. Как ни удивительно, в приговоре по делу, возбужденному на основании этой челобитной, о ней не упоминается вовсе. Видимо, по ходу слушания выиски внимание судей полностью переключилось на случайно (?) всплывшие данные о вологодской задолженности перед казной.

Для решения этой проблемы судьи избрали радикальную меру, нехарактерную, как нам кажется, для приказного стиля управления. Даже не дав воеводе возможности объяснить, Курбатов просто-напросто отстранил его от управления крепостным делом «за неисправлениями» и передал его обязанности Жданову и Акишеву.¹²⁴

Пять недель спустя Петр I подписал упомянутый указ о повсеместном изъятии крепостного дела из ведомства воевод. Вряд ли это было простым хронологическим совпадением. Как будет показано ниже, материалы о непорядках в провинциальной крепостной записке начали накапливаться в руках Курбатова несколько годами ранее, причем он внимательно изучал поступающие в Москву доносы.¹²⁵ Таким образом, логично предположить, что вологодское дело стало последним штрихом в исподволь подготовленном Курбатовым обвинительном докладе на воевод, которое было представлено царю и произвело искомым эффект. Подчеркнем, что консолидация управления крепостным делом, достигнутая путем замещения воевод бурмистрами, была результатом тонкого маневра Курбатова, который сначала внедрил в местное управление собственных агентов, а затем умело использовал их лояльность.

Справедливости ради следует отметить, что отношения Курбатова с бурмистрами отнюдь не были безоблачными. Об этом позво-

¹²⁴ Дело по челобитной вологодских площадных подьячих, 1705 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52260. Л. 4 об.—5). Кстати, вскоре после этого С. М. Акишев получил повышение, став надзорщиком (приходо-расходная книга Приказа крепостных дел: РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 22 об.); его связь с Курбатовым продолжалась и после отхода обоих от крепостного дела (*Сероев Д. О.* Крути судьбы... С. 187).

¹²⁵ Так, сведения из доноса севского надсмотрщика Нифанта Чулошикова вошли в наказ надзорщику Жданову при назначении его в Вологду (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087. Л. 17 об.—18, 22 об.).

ляют судить материалы, представленные в доезде московских крепостных дел подьячего Степана Иевлева, побывавшего в 1706 г. в ряде городов с инспекционным турне.¹²⁶ Иевлеву приказано было посетить двадцать три населенных пункта, бурмистры которых не выслали вовремя крепостные сборы в Москву. Два из них он просто не смог найти,¹²⁷ а в двух других ему документально доказали необоснованность предъявляемых обвинений.¹²⁸ Бурмистры оставшихся девятнадцати пунктов по типу реакции на требование ревизора распадаются на несколько категорий.

В шести случаях¹²⁹ они проявили пассивность, т. е. не представили убедительных оправданий¹³⁰ и не противились взысканию — отдали Иевлеву наличную казну и заплатили пени. В восьми местах¹³¹ бурмистры повели себя хитрее. Прослышав о приближении ревизора,¹³² они срочно сами выслали в Москву книги и деньги и под этим предлогом отказались уплатить пени,¹³³ хотя и не отрицали, что высылка казны была произведена ими с опозданием

¹²⁶ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2086. Ниже в ссылках на доезд Иевлева дается только указание на листы данного дела.

¹²⁷ «А Кадыена и Угорской волости вышеписанных городов в уезде нет и вышеписанных городов и волостей жители о том Кадыеве и Угорской волости в которых они местех не сказали» (доезд Иевлева. Л. 66).

¹²⁸ В Кашине и в Юхоцкой волости ревизору предъявили отписи из Канцелярии каменных дел (доезд Иевлева. Л. 4, 60 об.).

¹²⁹ Инанцевская волость, Устюжна Железопольская, Молога, село Песье Всеявской волости, Норская слобода и село Великое (доезд Иевлева, Л. 4 об., 6 об., 8 об., 9, 61, 63).

¹³⁰ Иевлев не признал весомыми следующие аргументы: «лежал в бозе много время» (Л. 7 об.), «за умножением дел» (Л. 8 об.), «для того что в зборе крепостных дел денежные казны малое число и за устрашением воровских людей» (Л. 9—9 об.), «тех денег [...] бурмистры к высылке не спрашивали» (Л. 63).

¹³¹ Дмитров, Углич, Бежецкий Верх, Борисоглебская слобода, Ярославль, Ростов, Переславль-Залесский, Александрова слобода (доезд Иевлева. Л. 3 об., 5—5 об., 59, 62, 64 об., 65, 65 об.).

¹³² Возможно, что их предупредили прямо из Москвы. Курбагов еще в 1705 г. жаловался царю на московских ратушских подьячих, которые «дают в города знать» (Соловьев С. М. История России... Кн. 8. С. 313). Вероятно также, что из городов, через которые ревизор уже проехал, давали знать по ходу его следования (такой вывод напрашивается из сопоставления дат посещения ревизором населенных пунктов и дат высылки отсюда денег).

¹³³ «Пенных денег не дали для того что де та денежная казна в высылке у них до моего приезде», «А пенных денег... не дали учинили великого государя указу послушны», — писал Иевлев (Л. 5 об., 62).

относительно указанного срока.¹³⁴ И наконец, в пяти случаях¹³⁵ Иевлев не достиг почти ничего; ему удалось лишь привезти сказки за руками представителей местной власти о причинах их неповиновения (об этом ниже).

Как оценить эти результаты? На первый взгляд, констатация полного или частичного неуспеха более чем в половине случаев позволяет сделать вывод о недопустимо низкой степени сотрудничества бурмистров с центральной властью. Однако при ближайшем рассмотрении картина меняется.

Интересно, что в большинстве тех мест, власти которых отдали казну в руки ревизора и заплатили пени, сборы по крепостным делам составляли небольшие суммы (пять—десять рублей)¹³⁶ и, соответственно, низким оказался и размер пеней (они начислялись в размере двадцати процентов от сбора). В таком освещении покорность бурмистров приобретает негативный оттенок, ибо за ней проступает безразличное отношение к крепостному делу, причем низкие сборы, вероятно, одновременно являлись и причиной, и следствием отсутствия заинтересованности. Напротив, в местах, откуда казну поторопились выслать из-под носа у Иевлева и где ему отказали в пених, суммы сборов по крепостям в среднем были значительно выше.¹³⁷ В таких обстоятельствах непоследование ревизору (отказ заплатить пени) не теряло, конечно, характера непочинения центральной власти, но с ним можно было мириться, ибо за ним стояла не оппозиция бурмистров центральной власти, а конкуренция в эксплуатации общего источника дохода. Для Москвы было важнее подержать у бурмистров желание взаимовыгодного сотрудничества, чем заставить их заплатить пени, а в пяти населенных пунктах, где Иевлев потерпел полный провал, причиной непорядка стали исключительные обстоятельства, причем в одном случае неповиновение местных властей центральной носило явно вынужденный характер.¹³⁸ Таким образом, сделанные выше выво-

¹³⁴ Стандартный аргумент: «а на указанной срок не выслана за умножением государевых [или приказных] дел» (доезд Иевлева. Л. 8 об., 64 об.).

¹³⁵ Село Чамирово, Пошехонье, Рыбная слобода, Романов, село Вошажиново (доезд Иевлева. Л. 7, 9, 59, 64).

¹³⁶ Только на Мологе и в Устюжне Железопольской было собрано больше, соответственно 65 и 127 рублей.

¹³⁷ Так, за шесть месяцев в Ростове было собрано 112 рублей, а в Ярославле 293 рубля.

¹³⁸ Бурмистр и надсмотрщики Рыбной слободы были взяты в Ярославль для правящих рыбных сборов и выслали крепостные деньги, как только были отпущены (доезд Иевлева. Л. 59).

ды должны быть скорректированы. Курбатов имел основания считать состояние каналов управления крепостным делом удовлетворительным.

Еще более терпимым поведение бурмистров кажется при сравнении его с позицией воевод. Иевлеву было приказано прочесть свой наказ не только бурмистрам, но и воеводам, требуя от тех и других подписки в ознакомлении. Ни один из воевод не пожелал выполнить даже этого минимального требования.¹³⁹ Особенно возмутительным должен был казаться отказ со стороны воеводы Устюжны Железопольской,¹⁴⁰ поскольку в этом городе не было бурмистров, а посадом и крепостными делами ведал именно он. Получив отчет Иевлева, Курбатов, надо думать, в очередной раз порадовался, что ему удалось свести к минимуму необходимость сотрудничества с воеводами.

2.3. Управление служителями крепостных дел

Курбатов, как и любой другой высокопоставленный администратор той эпохи и в отличие от большинства сегодняшних, должен был непосредственно участвовать в управлении как служителями, задействованными в крепостном деле, так и населением — в той мере, в которой оно участвовало в данной сфере жизни.

Различные способы, которые Курбатов применял для управления довольно многочисленным крепостным персоналом, относятся к общей методике кнута и пряника: прямой контроль и принуждение, осуществлявшиеся нарочными посыльными из Москвы; привлечение и поощрение, призванные лично заинтересовать исполнителей на местах в успехе крепостного дела; арбитраж и вмешательство из центра в обход местной власти, особенно в случае столкновения конкурирующих интересов на местах. Ниже мы подробно рассмотрим рассматриваем применение каждого из названных методов, принимая во внимание, что служители, естественно, не были пассивным объектом и что управление ими на практике зачастую принимало форму взаимодействия между управляющими и управляемыми.

¹³⁹ По словам Иевлева, все они повели себя одинаково: «к сказателному указу о крепостных делах руки не приложил а велел о том указ записать у себя в приказной избе» (Доезд Иевлева. Л. 3 об.—4).

¹⁴⁰ Доезд Иевлева. Л. 6 об.

2.3.1. Контроль и принуждение

На жалобы населения московские приказы традиционно реагировали посылкой на места следственных комиссий. Курбатов также обращался к этому средству, о чем мы узнаем из материалов расследования о злоупотреблениях подьячих крепостных дел в Осташкове, возбужденного по челобитью местных жителей.¹⁴¹

Следователем в данном деле выступило лицо довольно неординарное, а именно Леонтий Филиппович Магницкий. К крепостному делу математик формально не имел никакого отношения, зато он был тесно связан лично с Курбатовым, который в те годы активно покровительствовал ему в карьерном отношении.¹⁴² Летом 1704 г. Магницкий, уроженец Осташкова, собирався посетить «по обещанию» расположенную неподалеку Нилову пустынь, и Курбатов, что характерно, не упустил возможности поручить это важное дело пусте неопытному, но преданному человеку. Сыск над «бесстрашниками», производившими беспорядки в провинциальной крепостной записке, никак не соотносился с должностью «арифметики учителя» и не способствовал, надо думать, духовной сосредоточенности, необходимой перед помещением святого места, однако Магницкий не смог отказать своему патрону. Миссия Магницкого явно носила экстраординарный характер. Судя по допросным речам, ему даже не был придан по этому случаю никакой специальный статус, и он председательствовал на осташковском съездем дворе под экзотическим знанием «школ математико-навигацких учителя». Просидев за допросами два месяца, математик справился с необычным поручением и доставил в Москву содержательные следственные материалы. Курбатов не забыл об этой услуге и при случае постарался хотя бы частично вознаградить приятеля за доставленное беспокойство, вышлатив ему из крепостных сборов двадцать четыре рубля «за его тщательное в сыску про осташковского надсмотрщика крепосных дел вправде усердие».¹⁴³

С нерасторопностью местных властей в исполнении указов приказы, как известно, боролись аналогичным методом, посылая на места нарочных подьячих. К этой мере, однако, обычно прибегали не сразу, а лишь убедившись, что отправка грамот «вдвугие» и «втретые» не производила желаемого эффекта. Курбатов, напротив, не колеблясь, обращался к этому средству коммуникации с на-

¹⁴¹ РГАДА, Ф. 282. Оп. 1. Д. 1977.

¹⁴² Лаврентьев А. В. Люди и вещи. М., 1997. С. 69—108.

¹⁴³ Приходо-расходная книга Приказа крепостных дел, ноябрь 1708 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 170. Л. 24 об.—25).

селенными пунктами, откуда крепостные доходы присылались с опозданием или не в полном объеме. Начиная с 1703 г., указания на посылку подьячих и/или солдат «ради высылки крепостных дел денег из городов» встречаются довольно часто.¹⁴⁴

Подьячие обычно путешествовали в сопровождении двух, трех, пяти человек солдат,¹⁴⁵ что должно было подтверждать их авторитет. Предоставить себе, как могло выглядеть появление инспекционного кортежа в провинциальном городке или в селе, позволяло одно редкое мемуарное свидетельство, оставленное пленным шведским офицером Карлом фон Роландом, находившемся в ссылке в Галиче в 1709—1714 гг.¹⁴⁶ Правда, в данном случае речь шла не о крепостном деле и, кроме того, в роли ревизора выступал дьяк, но можно предполагать, что приезд курбатовских посланцев вызывал схожую реакцию.

Любопытный и непоследовательный Роланд, воспользовавшись близостью дьячьей супруги, уговорил дьяка взять его с собой в поездку по пригородам Галича, куда тот отправлялся для проверки выполнения известного петровского указа о неношении бород. В каждом городе дьяку и сопровождавшим его подьячим, а заодно и самому Роланду, местные жители подносили мед, масло, воск и рыбу. Недельного турне хватило, чтобы каждый из них доверху наполнил подарками свою подводку. Одну сцену Роланд описал подробно: «В один из дней, когда мы только приехали в город и нашли себе помещение для жилья, к нам явился бургомистр со своим советом в полном составе, причем каждый нес в руках дары. Он приветствовал нас и преподнес нам подарки, состоявшие из меда и *варенья*,¹⁴⁷ которые, как обычно, приняли люди *дьяка*. И тут дьяк вдруг прошептал мне на ухо: „Промысли мне *ножницы*“, — что означало „найди для меня ножницы“. Когда я вложил их ему в руку, он, обращаясь к бургомистру, у которого была красивая длинная борода, сказал: „Подойди-ка сюда!“ — и, когда тот приблизился, схватил его за бороду левой рукой, а правой начал орудовать нож-

¹⁴⁴ По самым неполным данным, в 1703 г. таких посылок было восемь, в 1704 г. и в 1706 г. минимум по две, в 1707 г., по крайней мере, одна (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 13 об., 31 об.; РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2086; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 993. Л. 147, 150—150 об., 283 об.).

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 12 об., 16 (приходо-расходная книга).

¹⁴⁶ *Carl von Roland. Souvenirs de captivité en Russie et des guerres de Charles XII / Trad. du suédois Elena Balzamo // Cahiers du Monde russe. 2006. 47/3.*

¹⁴⁷ Все слова, выделенные курсивом, Роланд приводит по-русски.

ницами. Бургомистр не смел пошевелиться и только жалобно вскрикивал по мере того, как борода становилась все короче: „Сто! двести! триста! четверста рублей!“ Таким образом, ему удалось спасти часть бороды, но большая половина была потеряна.¹⁴⁸ Возвращаясь к крепостному делу, следует отметить, что кормовые и прогонные деньги, выдававшиеся из казны ревизорам и другим нарочным, с лихвой окупались «пенными деньгами», которые они взымали с провинившихся.¹⁴⁹ Более того, подобные командировки, безусловно, оправдывали себя и без штрафных сборов. Так, в августе 1706 г. в Москве констатировали задержку в присылке крепостных сборов из ряда населенных пунктов (по правилам, крепостные деньги следовало выслать из городов в первых числах июля)¹⁵⁰. В результате незамедлительной посылки туда нарочного подьячего, основная часть недополученных средств поступила в Москву с максимальным опозданием в три месяца, а в среднем даже быстрее.¹⁵¹ Можно предположить, что зафиксированный в первое десятилетие существования крепостного дела ежегодный рост полученных из городов доходов (с 1701 по 1707 г. они увеличились примерно в два раза)¹⁵² не в последнюю очередь явился следствием энергичных действий московского начальства по посылке нарочных подьячих.

2.3.2. Привлечение и поощрение

Приступая к обсуждению этой стороны вопроса, следует отметить, что история крепостного дела предстает как характерная страница истории петровского царствования в целом; поскольку составление и регистрация актов до конца XVII в. принадлежали к числу тех в минимальной степени охваченных царской законодательной деятельностью областей общественной жизни, урегулированное обычаям существование которых было во многом переве-

¹⁴⁸ *Carl von Roland. Souvenirs de captivité en Russie et des guerres de Charles XII / Trad. du suédois Elena Balzamo // Cahiers du Monde russe. 2006. 47/3. С. 635—636.*

¹⁴⁹ В 1705 г., например, было взято 182 рубля «пенных на воеводах и приказных людях за неусмотрение неправых крепостей и за продажо бумаги не по указу» (приходо-расходные ведомости Оружейной палаты: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 997. Л. 112).

¹⁵⁰ Именной указ, объявленный из Ратуши, 16 марта 1706 г. (ПСЗ. Т. 4. № 2099. С. 346).

¹⁵¹ Доезд Иевлева, *passim*.

¹⁵² Приходо-расходная книга Приказа крепостных дел (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 52—53 об.).

нудо-лихорадочным законодательствованием Петра I. Конституция резко расширила сферы «дел государевых» с начала XVIII столетия, историки обращают преимущественное внимание на соприкосновение обывателей инициативам правительства, неизменно влекущим за собой усиление фискального бремени и увеличение объема служб. При этом остается в тени проявленная разными группами населения заинтересованность новыми социальными и экономическими перспективами, возникавшими как прямое или косвенное следствие правительственной деятельности.

Как нам предстоит увидеть, стоило центральной власти проявить интерес к сфере актового дела, как в обществе обнаружилось множество элементов, готовые участвовать в реализации новой политики. Приспособление старых и устройство новых каналов власти, которым крепостные доходы должны были поступать в Москву, происходили при активном сотрудничестве этих элементов, которым служба у крепостных дел приносила материальные выгоды и возможности социальной мобильности.

О материальной привлекательности службы у крепостных дел свидетельствует уже количество желающих ее выполнять, несмотря на то, что большинству из них плата из казны даже не бывала обещана. Привилегированным положением пользовался персонал московской Палатки крепостных дел, большая часть которого состояла в окладе, а новоприборным систематически выдавались кормовые деньги.¹⁵³ В провинции также встречались случаи назначения кормовых,¹⁵⁴ однако, как правило, крепостные служители брали за письмо и записку крепостей «взятки», подобно площадным предыдущего столетия. Денежное награждение из казны оставалось для них формой поощрения за особенное должностное рвение.¹⁵⁵

¹⁵³ Жалованье предполагалось платить довольно щедрое. В 1701 г. в Палату крепостных дел было назначено тридцать подьячих четырех статей с жалованьем от семидесяти до тридцати пяти рублей (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 986. Л. 46—46 об.).

¹⁵⁴ Так, в соответствии с грамотой из Оружейной палаты, вологодские надсмотрщики и подьячие крепостных дел с 1702 по 1710 г. каждые три месяца получали кормовые дачи из расчета по пять—восемь копеек на день (Дело по доношению комиссара М. Брянчанинова, 1715—1716 гг.: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2318. Л. 38—38 об.; приходо-расходная книга Приказа крепостных дел: РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 22 об.). Кормовые дачи получали новгородские подьячие крепостных дел (дело о проверке книг: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52271. Л. 5 об.).

¹⁵⁵ Среди «неокладных приказных дач» за 1706 г. числятся пятьдесят рублей «Соли Камской крепостных дел надзираетелю Гаврилу Рычкову за

Размер взятки мог быть довольно значительным, поскольку он то и дело становился предметом недовольства местного населения.¹⁵⁶ Случай отказа подьячих от должности по причине ее недостаточной доходности встречается крайне редко.¹⁵⁷

Социальный интридант заинтересованности в крепостной службе вычленился с большим трудом, чем материальный, поскольку реальная социальная мобильность зачастую не облекалась никакими формальностями. Это хорошо видно на примере дела Ивана Антипина, дьячка вотчины кн. В. М. Долгорукова села Писцова Костромского уезда.¹⁵⁸ В челобитной о позволении ему писать крепости Антипин именовав себя, как и положено, дьячком. Помечая челобитную, Курбатов назвал его подьячим, возможно, по невниманию. Интересно, что ни сам Антипин, ни его местные начальники, бурмистры, не отреагировали на это, продолжая пользоваться термином дьячок или выражением крепостных дел дьячок. Зато как только Антипин получил разрешение писать крепости на сумму до ста рублей и, в связи с этим, взять к себе помощником другого дьячка того же села, он сразу же стал подписываться надсмотрщиком крепостных дел, несмотря на то, что никто его на это не упомогаивал. Иными словами, с точки зрения Антипина, если право писать крепости не должно было влиять на статус, то право управлять кем-либо сразу повышало социальное положение усердная рация в приборе крепостных дел казны» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122. Л. 13 об.).

¹⁵⁶ Крестьяне Переславль-Залеского уезда, например, считали сбор по тридцать копеек с десятирублевой сделки чрезмерным (дело по их челобитью: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2000. Л. 3 об.). Согласно Посошкову, писавшему в 1720-ые годы, «ныне у крепостных дел за гривенное дело берут по полтине и больше» (Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб., 2004). В дальнейшем ситуация настолько ухудшилась, что даже стала предметом сатирического изображения в литературных произведениях. Гоголевский Плюшкан, в частности, сетовал: «Ведь вот кутлужа крепость — всё издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделашься да мешком муки, а теперь пошли целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие!» (Гоголь Н. В. Мертвые души: Поэма. Москва, 1969: С. 161).

¹⁵⁷ Подьячий Алексей Воропанов в 1712 г. просил освободить его от должности «для того, что в Дмитрове будучи у крепостных дел у малого такого збору двум человеком быть не у чего и прокормитца нечем, а твоего государева жалованья на прокормления за приказную роботу нам ничего не определено, прокормитца нечем» (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2021. Л. 1).

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2119.

ложение. Впрочем, такая трактовка не нашла взаимопонимания у начальства. Бурмистры продолжали писать Антипина дьячком, а Приказ крепостных дел заявил, что в селе Писцове «работает надсмотрщиком и писцом того села дьячек». ¹⁵⁹ Разобравшись в ситуации, приказ в текущей переписке продолжал применять к Антипину термин подьячий и, в конце концов, Антипин усвоил это имение, не претендуя более на надсмотрщика, но и не унижаясь до дьячка. Атрибуция статуса носила в данном случае характер имплицитного торга, участники которого нацеливались компромисс путем делопроизводительной практики, ибо правил, приложимых к этой ситуации, просто не существовало.

Возможности социальной мобильности, предоставляемые крепостной службой, увеличились после принятия упомянутого выше указа «о надзоре». Как уже было сказано, обязанности надзорщика (или «надзирателя») состояли в том, чтобы «без боязни» доносить в Москву «о нерадении» воевод в контроле за сбором крепостных пошлин, т. е. фактически приближались к фискальским. Влиятельная должность надзорщика стала новой ступенью в верхней части местной крепостной иерархии, и кандидаты, как мы скоро увидим, не заставляли себя ждать.

2.3.3. Прямое управление и арбитраж

Местные исполнители (надсмотрщики, подьячие и т. п.) порой стремились к установлению прямых связей с московским органом управления в обход местной власти, поскольку это оказывалось для них наиболее действенным способом обеспечить себе максимальные выгоды от крепостной службы. Курбаатов допускал, а иногда и поощрял такие контакты, пользуясь ими как стимулятором усердия исполнителей и дополнительным средством контроля над местной властью. Помимо этого, трехсторонние отношения между населением, крепостными служителями и местными управителями, на которых была возложена функция надзора над крепостным делом, зачастую приобретали конфликтный характер, и в таких случаях все они, естественно, рассматривали центральную власть как арбитра. Разбирая поступающие жалобы, Курбаатов порой пользовался своим положением, чтобы привести расстановку местных сил в состояние, наиболее выгодное для интересов крепостного дела. Постараемся проиллюстрировать его методы действия.

¹⁵⁹ Дело по челобитью Антипина (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2119. Л. 19).

Одним из первых, кто воспользовался указом «о надзоре», стал бывший приказчик Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря вышупомянутый Матвей Жданов. ¹⁶⁰ Задавшись целью получить должность надзорщика, Жданов сделал ставку на прямое обращение в Москву, в обход местной власти. Он не стал подавать челобитную о своем назначении, что слишком открыто противоречило бы условию указа о выборе со стороны местных жителей, ¹⁶¹ однако и получить означенный выбор он тоже не пытался. Тонко чувствуя дух времени, Жданов для начала повел себя как бескорыстный прибыльщик, подав в Оружейную палату доношение о возможности увеличить доход от вологодских крепостных дел. Вологда «город знатной и збор с крепосных дел пред прошлыми годы пополнился»; — писал Жданов, — и если усилить над ним контроль, «то и вышше збор крепостных дел пред прошлыми годы пополнился». ¹⁶² Вологда, как известно, была основным перевалочным пунктом на архангельском торговом пути, т. е. местом, где заключались многочисленные сделки на перевозку товаров, где хранились, перекупку и т. п., по закону подлежавшие письменной фиксации с уплатой крепостных сборов. Недаром там уже с 1701 г. работали шестеро крепостных служителей. ¹⁶³ Оружейная палата сразу заинтересовалась полученным указанием и запросила Жданова о кандидатах на должность надзорщика. Только тогда Жданов открыл карты, скромно заявив, что подходящих людей не знает, но человек доброго да для россылки служилых людей трех человек, а для жития постоялой двор» (как ни удивительно, Жданов не просил о назначении ему жалованья). ¹⁶⁴ Параллельно он нашел способ довести до Курбаатова информацию о своей положительной репутации в приказной среде. ¹⁶⁵ Очевидно, что Жданов правильно по-

¹⁶⁰ Дело по челобитной Матвея Жданова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087).

¹⁶¹ Согласно указу, жителям городов предписывалось выбрать к крепостным делам «надзорщиков изо всяких чинов людей в знатности добрых» (Выписка из указа в деле Матвея Жданова: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087. Л. 18 об., 22 об.).

¹⁶² Дело по челобитной Матвея Жданова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087, Л. 18 об.).

¹⁶³ Дело по доношению комиссара М. Бранчанинова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2318. Л. 38).

¹⁶⁴ Дело по челобитной Матвея Жданова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087, Л. 19).

¹⁶⁵ В наказе Жданову было специально отмечено, что «а паче же те дела [крепостные] и подьячие вверены тебе, Матвею, ведая твое к вологодским

строил свою линию поведения, ибо Оружейная палата согласилась на все его условия, позволила Жданову самому выбрать себе помощника и всего за десять дней довела дело до конца, вынесла решение о назначении, составив обширный наказ и разослав необходимые грамоты вологодским властям. Нам уже известно, что Жданов с лихвой отплатил Курбатову за оказанную вологодского управления, сыграв заметную роль в дискредитации воеводского управления крепостным делом.

Вышеупомянутый дьячок Антипин также получил свое место исключительно благодаря прямому выходу на центральный орган управления, поскольку его отношения с местной властью не позволяли ему надеяться на ее поддержку. Во-первых, местные бурмистры выбирались не из числа односельчан Антипина, а из посельских людей г. Костромы, тогда как сам он подчеркивал свою принадлежность к «помещику моему» князю Долгорукову и даже отпирался в своих московских демаршах на поддержку княжеского «человека который за дела ходит».¹⁶⁶ Во-вторых, бурмистров и Антипина противопоставляла экономическая конкуренция. Надо напомнить, что среди бурмистров была издавна распространена практика записи некоторых видов крепостей в кабацкие и таможенные книги, которая была запрещена в 1701 г., но продолжала существовать во многих местах.¹⁶⁷ Таким образом, бурмистры являлись соперниками дьячков, обычно писавших крепости в сельской местности. Бурмистры села Писцова, видимо, не составляли исключения, поскольку, вопреки указам, не удосужились сообщить в Москву о возможности учреждения там крепостного дела.¹⁶⁸ Антипин сумел обернуть это обстоятельство в свою пользу, лично

монастырским вотчинам во всяких прилучающихся делех радение и вправде усмотрение» (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087. Л. 9 об.).

¹⁶⁶ Дело по челобитью Антипина (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2119. Л. 1, 14). Как известно, столкновение интересов посада и соседних сел привело порой к серьезным и затяжным конфликтам, особенно когда села принадлежали знатным и влиятельным помещикам (Соловьев С. М. История России... Кн. 7. М., 1991. С. 80—82).

¹⁶⁷ Боярский приговор 30 апреля 1701 г. (ПСЗ. Т. 4. № 1850. С. 165). Свидетельство о нарушениях: допросные речи оставленного надсмотрщика 1704 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1977. Л. 14—15); доношение севских крепостных дел надсмотрщиков 1705 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087. Л. 17 об.—18).

¹⁶⁸ Писцово было довольно большим селом (473 двора), причем, судя по тому, что Антипин обратился за разрешением писать крепости на суммы до ста рублей, местный торг по обороту не уступал иным городским рядам.

явившись в Москву¹⁶⁹ и представ перед Курбатовым в позе верноподданного приблыщника.¹⁷⁰ Поддержав Антипина, Курбатов обеспечил для казны пусть маленькую, но осязаемую выгоду, выржающуюся в суммах от 12 до 25 рублей ежегодного крепостного сбора.¹⁷¹

Следует оговориться, что успешно использованная Ждановым и Антипиным стратегия обращения за назначением в Москву не всегда себя оправдывала. Иногда местные жители отстаивали свое право выбора и «не принимали» у претендентов выданных в Москве грамот с назначением к крепостным делам. Так, подьячий крепостных дел села Чамирова добился в Москве повышения до надсмотрщика, однако «мирские люди того указу у него не приняли». Причины отказа в нашем источнике не объясняются, однако известно, что подьячий так и не смог занять искомую должность.¹⁷²

Позволяя крепостным служителям обращаться к себе через голову местных управителей, центральная власть давала им ценнейшее преимущество, что видно из сравнения судеб дьячка Антипина и тульского надсмотрщика крепостных дел Филата Жданова.¹⁷³

Антипин старательно культивировал свои отношения с Приказом крепостных дел, что ярко проявилось в его ежегодных личных приездах в Москву с книгами и казной, тогда как многие его коллеги удовлетворялись присылкой их с третьими лицами. Подьячие приказа едва ли не каждый год выявляли в его приходных записях ошибки, причем некоторые из них выглядели довольно по-

¹⁶⁹ Судя по отсутствию следов стибов на бумаге, челобитные Антипина были написаны в Москве и поданы из рук в руки, а не присланы издалека.

¹⁷⁰ В челобитной Антипин писал, что в его селе имелся «торжок и при том торжку есть кабака а бывают всякие нужды в крепостных делах, а писать некому, а ездить на Кострому стало быть расстоянье далое и затем всякому чину в нуждах бывает остоновка и *пошлина твоя государева пропадает напрасно*» (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2119. Л. 1). (Выделено нами. — А. Ж.).

¹⁷¹ Судя по единственной сохранившейся книге записи крепостей села Писцова, подобные суммы продолжали поступать и в 1720-е годы (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4808).

¹⁷² Доезд Иевлева. Л. 7, 20—20 об. Вообще, изгнание подьячих-самозванцев не было новостью в провинциальной жизни (Соловьев С. М. История России... Кн. 7. С. 91—92).

¹⁷³ Дело по «доношению доносителя» тульского подьячего Дмитрия Анцыферова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2331).

дозрительно.¹⁷⁴ Антипин узнавал об этом раньше, чем приказные судьи выносили какое-либо решение о взыскании, поскольку в момент счета он всегда находился поблизости. Он подавал челобитные, обещая внести недостающие суммы. Приказ миролюбиво соглашался, Антипин привозил деньги на следующий год, и дело обходилось ко всеобщему удовлетворению.

Филат Жданов, выбранный к крепостным делам против собственной воли из посадских, также был обвинен в неправильном сборе пошлин, но он не поторопился поехать в Москву, чтобы лично уладить свое дело. Его пассивность привела к тому, что была запущена в ход тогдашняя неповоротливая судебно-бюрократическая машина, в которой не имелось механизмов, позволявших учитывать конкретные обстоятельства дела и нюансировать силу карающего удара правосудия. По шаблонному указу из Москвы не симпатизировавшие Жданову тульские бурмистры сначала поставили его на правех, а потом выслали в приказ под караулом. Промавшись некоторое время в Москве, перепуганный надсмотрщик заболел и умер в полном одиночестве на постоялом дворе в тот самый момент, когда следствие установило, что он ошибался по неопытности и что от этого понес убытки ряд частных лиц, но не казна. Судьи явно почувствовали, что выстрелили из пушки по воробью, но не пожалели о незнакомой им жертве, а высокомерно укорили тульских обывателей в том, что «они такого дряхлого и глупого выбрали». Справедливости ради отметим, что Филата Жданова судил не Курбатов, а его преемники — «каллегии юстиции»,¹⁷⁵ которым граф Андрей Артемонович Матвеев с товарищами¹⁷⁶ которым специфика управления крепостным делом совершенно не была знакома.

¹⁷⁴ Так, однажды он оформил четыре отдельных акта подряд, с каждым из которых полагалось взять по двадцать девять копеек. Однако он записал в книгу четыре разных суммы, каждая из которых составляла менее половины законной пошлины. Возникает соблазн предположить, что Антипин сознательно клал остальные деньги себе в карман, надеясь на невнимательность московских счетчиков. Вместо того, чтобы грубо воровать из ящика собранные деньги, он делал вид, что ошибается, причем запись занесенных пошлин в книги должна была служить доказательством его честности. Для чистоты операции ему не следовало бы «ошибаться» на разные суммы в одинаковых актах, записанных к тому же в один и тот же день.

¹⁷⁵ Дело по доношению Анньфинова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2331. Л. 14 об.).

Итак, личный контакт с центральной властью мог оказаться для местных исполнителей жизненной необходимостью в буквальном смысле слова. Причиной такого положения являлось отсутствие в системе управления формализованных процедур решения нестандартных ситуаций, которые могли бы служить альтернативой обычной судебной процедуре, тогда как последняя, даже при условии честного и непредвзятого суда, по самой сути своей исключала возможность быстрого и хотя бы относительно безболезненного устранения банальных неполадок в работе административных органов.¹⁷⁶ Поэтому допустимо предполагать, что стремление сохранить возможность прямой связи с центральным управляющим учреждением являлось мощным стимулом лояльности местных исполнителей центральной власти.

В конфликтах вокруг крепостного дела зачастую принимали активное участие не только местные власти и крепостные служители, но и обыватели. В этих случаях Курбатов, как мы сказали, оказывался в положении арбитра и должен был исполнять свою роль с большой осмотрительностью, ибо, не имея возможности выколачивать из населения крепостные¹⁷⁷ пошлины силой, он мог надеяться регулярно получать их, только установив и поддерживая в каждом конкретном населенном пункте такую конфигурацию крепостного дела, которая более или менее удовлетворяла все элементы местного общества.

Эта сама по себе непростая задача дополнительно осложнялась тем, что во многих местностях административная ситуация характеризовалась значительным динамизмом. С одной стороны, воеводы, бурмистры, дворцовые приказчики и прочие управители менялись каждые год или два. С другой стороны, надсмотрщики и подьячие крепостных дел, в принципе назначавшиеся на постоянной основе, иногда оставляли свои места, если они оказывались недостаточно прибыльными. После каждой кадровой перемены могла возникнуть необходимость вмешательства центральной власти для восстановления нарушенного равновесия. Каким образом подобная юстировка происходила на практике, видно из ведшегося в Москве в 1702—1705 гг. дела о Новой и Старой Александровых

¹⁷⁶ По мнению Посошкова, умеренная строгость взысканий со сборщиков казны не только не способствовала лучшей собираемости доходов, но в конечном итоге наносила ущерб самой казне. Посошков был сторонником полубовных решений, именно таких, какие умел находить Антипин (*Посошков И. Т. Книга о скудности...* С. 78).

дворцовых слободах и приписных к ним волостях Переславль-Залесского уезда.¹⁷⁷

Чтобы понять суть разгоревшегося здесь конфликта, следует отметить, что данная административная единица, как и многие другие дворцовые владения, имела смешанное управление: с одной стороны, здесь имелся посад, ежегодно выбиравшийся из среды земских бурмистров. С другой стороны, большая часть населения группировалась в крестьянский мир, подчинявшийся приказчикам, которые присылались из дворцовых учреждений Москвы и переменялись каждые один-два года.

В 1701 г., когда площадным подьячим было запрещено писать акты, посадские люди по указу выбрали трех подьячих крепостных дел. Пользуясь создавшимся монопольным положением, подьячие заломили за свои услуги такие цены, что крестьяне ударили на них челом земским бурмистрам, а те попросту выгнали подьячих из земской избы. Свой поступок они позже объясняли тем, что подьячие не имели указа, по которому их полагалось бы пускать для работы в земскую избы. Узнав об этом, Оружейная палата попыталась перевести подьячих к дворцовому приказчику в его приписную избы. Однако приказчик, подчинявшийся не Оружейной палате, а Приказу Большого двorca, отказался их принять «за отсутствием». Оружейной палате пришлось откомандировать на место нарочного, чтобы заставить бурмистров снова пустить подьячих работать в земскую избы и забрать у них конфискованную ими крепостную казну.

Через полгода выяснилось, что местных крепостных доходов не хватало на прокормление троих подьячих, поэтому двое из них попросили отставки и получили ее. Оставшийся, Иван Якимов, продолжал ссориться с крестьянами, которые на этот раз решили не связываться с местной властью, а подали челобитную в Москве. Крестьяне утверждали, что «за ево де Ивановыми излишними взятками писать им крепостей у посадских людей в земской избе невмочь» и просили назначить еще одного подьячего, который стал бы писать для них крепости «мимо посадских людей», т. е. не в земской избе под присмотром бурмистров, а в приказной избе под надзором приказчика.¹⁷⁸ Протянув ответа почти два года и не получив его, крестьяне с согласия приказчика сами выбрали двух подьячих и послали в Москву новую челобитную, прося на этот раз не только утвердить своих избранников и позволить им писать

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2000. Л. 1—8.

¹⁷⁸ Выписка в деле из челобитной от 2 августа 1703 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2000. Л. 3 об.).

в приказной избе, но и отставить от крепостных дел несправимого мздоимца Якимова. Вовремя осведомленный о нападении, Якимов немедленно приехал в Москву и лично подал Курбатову встречную челобитную. Он подчеркивал бездоказательность обвинений, предъявленных крестьянами, и просил дать ему с ними очные ставки, «чтоб мне от такого их составного ложного челобитья вконец разорене не быть».¹⁷⁹ Якимов, надо полагать, нашел взаимопонимание с московскими коллегами, потому что приговор был вынесен в его пользу без всякого расследования.¹⁸⁰

Однако оправдание Якимова само по себе не решало проблему организации крепостного дела в Александровых слободах и приписных волостях. По этому вопросу было принято отдельное решение, более благоприятное для крестьян. Курбатов назначил одного из крестьянских избранных в писцы и приказал перевести крепостные дела из земской избы в приказную, передав контроль над ними от бурмистров дворцовым приказчикам.¹⁸¹ Иными словами, центральная власть постаралась удовлетворить всех челобитчиков одновременно. Только примирившись, насколько это было возможно, запросы всех сторон, активно выражавших свою заинтересованность в устройстве крепостного дела, Курбатов мог надеяться, что доходы с крепостей, каппа за каппой, будут продолжать поступать в казну.

Итак, сделаем выводы. Поддерживая непосредственные взаимоотношения с крепостными служителями через голову местной власти и в ущерб ее авторитету, Приказ крепостных дел проявлял некоторую непоследовательность, ослабляя возглавляемую им самим иерархию подчинения, на которой основывалось его управление. Однако очевидная ситуационная польза такой тактики, видимо, перевешивала ее стратегические недостатки.¹⁸² Таким образом, всего за три года до принятия первых масштабных мер по проведе-

¹⁷⁹ Челобитная от 16 июля 1705 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2000. Л. 5—5 об.).

¹⁸⁰ Приговор от августа 1705 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2000. Л. 6 об.).

¹⁸¹ Приговор и отпуски указов от сентября 1705 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2000. Л. 7—8).

¹⁸² В этом смысле Приказ крепостных дел не являлся исключением на фоне общего стиля управления финансами, сложившегося к концу первого десятилетия 1710 г., о котором презорливый Витворт писал: «Мне кажется, в настоящее время, когда царю необходимы деньги для армии, царские министры готовы предпочесть действительным и постоянным выгодам страны какой угодно ничтожный, но только наличный доход» (цит. по: Миллюков П. Н. Государственное хозяйство... С. 166).

нию коллежской реформы ключом успеха в осуществлявшейся Курбатовым централизация крепостных сборов оставалась прагматическая ситуационная игра с установившимися и вновь возникшими местными авторитетами, по самой сути своей несовместимая с принципами «регулярства», о внедрении которых начал мечтать Петр I.

2.4. О пределах централизации

Описанные выше целеустремленная консолидация вертикали подчинения и терпеливое применение рутинных мер контроля, познания, арбитража и т. д., несомненно, положительно сказались на ежегодных итоговых результатах крепостного сбора. Однако эффективность центрального управления ограничивалась особенностями самой природы субординации в России того времени, точнее, распространенностью в среде подьячества архаической модели прямого исключивного личного подчинения. Изучение условий ее бытования представляется важным для понимания административных механизмов петровского времени.

Неоднократно упомянутый доезд Степана Иевлева содержит интересные материалы для наблюдений над сдвоями в функционировании вертикали власти между Москвой и провинциями. Несомненно раз приезд Иевлева в населенный пункт совпал с кратковременным отсутствием (отъездом, болезнью) бурмистров и надсмотрщиков крепостных дел. В таких случаях ревизор обрастал с требованием подписаться в ознакомлении со «сказательным указом» к подьячим крепостных дел, однако повсюду получал от них одинаковые ответы: «Крепостных дел мы не ведаем, а ведаем де крепостные дела и над нами надсматривает надзиратель [имярек]», и поэтому «рук приложить они не смеют», не говоря уже о том, чтобы согласиться выдать казну или заплатить пени.¹⁸³

В приведенном только что примере вертикаль внутриведомственного подчинения между центром и каждой из провинций следует представлять не в виде непрерывного стержня, а в виде цепи. Любое звено, в том числе и самое верхнее, всецело контролировалось только следующее звено, находившееся с ним в непосредственном контакте. Выпадение одного из звеньев порой приводило к возникновению ситуации вакуума власти, более или менее кратковременного и локального, но, безусловно, всегда ошутимого. Увидеть эту схему в действии позволяет описание ситуаций, которые Иевлев застал в Пошехонье и в селах Чамирове и Вошажникове.

¹⁸³ Рыбная слобода, Переславль-Залесский (Доезд Иевлева. Л. 59, 65).

В Пошехонье не имело бурмистров по причине отсутствия посада и регулярная власть была представлена воеводой и двумя выборными дворянами. В 1703 г. Оружейная палата указала воеводе выбрать подьячих к крепостным делам. Однако он не сделал этого, видимо, по причине ссоры с доминирующим местным подьяческим кланом Грязново.¹⁸⁴ Как только воевода был смещен со своего поста, должность надсмотрщика крепостных дел досталась Андрею Грязнову. Однако уже на следующий год его забрали к другим делам, а надсмотрщиком по грамоте из Оружейной палаты стал Петр Грязново.¹⁸⁵ Вскоре новый воевода и первый выборный дворянин неожиданно умерли, а второй выборный дворянин, Иван Тарбеев, отстранился от управления крепостными делами, не будучи уполномочен Оружейной палатой. Таким образом, Петр Грязново оказался без непосредственного начальника — а значит, и без покровителя, поэтому когда в Пошехонье приехал для переписного дела стольник Иван Мясново, подьячий вполне добровольно пошел к нему на службу.¹⁸⁶ Впрочем, Грязново продолжал писать крепости не только в Пошехонье, но и в крупнейшем из уездных сел, Пертоме, но перестал отсыдывать в Москву собранные крепостные пошлины.

Итак, исчезновение местного звена управления крепостными делами вызвало самопроизвольное переподчинение единственно-

¹⁸⁴ Грязново подьячествовали в Пошехонье целым семейством: отец Степан, четверо его сыновей и, по меньшей мере, один внук. В 1702 г. воевода стольник Афонасий Тихменев выиграл против Грязново дело о своем увечьи и «безчестьи». Петр Грязново был поставлен на правое для уплаты ииска и пошлин (на общую сумму около 170 рублей), однако ничего не заплатил, и вся семья была приговорена к конфискации имущества, основу которого составляло поместье в Пошехонском уезде — село Брацкое и две деревни (РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вязка 27. Д. 135).

¹⁸⁵ Эти данные подтверждаются сохранившимися книгами записи крепостного подьячего Петра Грязново, ведшимися с 26 апреля 1704 по конец 1710 г. (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 8526).

¹⁸⁶ О добровольном характере службы Грязново у стольника свидетельствует рассказ Тарбеева: «и сего числа ехал он, Петр [Грязново], с села Пертомы в Пошехонье и я, Иван [Тарбеев], с ним, Петром, съехал на дороге и остановились на малое время и приехали тут же из Ярославля от него, Ивана Мясново, посыльщики и ево, Петра, взяли с собою в Ярославль, сказали, что для справки в том вышеписанном о недорослях деле, потому что де Иван Мясново хочет ехать с тем делом на Тулу» (Доезд Иевлева. Л. 27 об.—28). Если бы посыльные увезли Грязново против его воли, рассказчик не преминул бы упомянуть об этом.

го исполнителя руководителю из другого ведомства, и приехавший из Москвы подьячий-ревизор оказался в ситуации настоящего вакуума власти — Пошехонье было одним из тех мест, где Иевлеву не удалось достичь ровным счетом ничего.

В дворцовом селе Чамирове, в отличие от Пошехонья, никто не смог или не захотел осязать у крепостных дел больше нескольких месяцев подряд. Подьячие и надсмотрщики постоянно менялись, а к моменту приезда Иевлева и вовсе «никаких крепостей никто не писал» уже почти год. Последний из бывших подьячих крепостных дел, по словам сельского старосты, уехал из своего дома в неизвестном направлении. Его предшественник, представ перед ревизором, утверждал, что в свое время выслан в Оружейную палату книги и деньги, но расписка в приеме у него, как на зло, «утерялась». ¹⁸⁷ Иными словами, население этого дворцового села в пассивной форме саботировало крепостное дело. Оно действовало при этом с редким единодушием и, видимо, по этой причине, достигло успеха — отсюда ревизору также пришлось уехать с пустыми руками и без надежды на благоприятное изменение обстановки.

Причиной фиаско Иевлева в Пошехонье и Чамирове стало отсутствие того звена подчинения, на которое ревизор должен был и мог бы воздействовать. В селе Вошажникове это звено пребывало на своем месте, но отказывалось функционировать. Безуспешность попыток ревизора привести его в действие объяснялась противоположностью внешних факторов, о чем он ясно рассказал сам: «Октября в 25 день Большого полку фелд моршалака и военного мантинскаго» ¹⁸⁸ свидетелествованного и славного чина святого апостола Андрея коволера Бориса Петровича Шереметева ростовской ево вотчины села Вошажникова крестьянин Иван Борисов сказал, отец де ево, Борис Давыдов, был в том селе у крепостных дел надсмотрщиком и писал крепости генваря с 1 числа 704 году, а по которе число, и то явилца в записных книгах, и отец де ево умре в феврале месяце сего [1706] году и те записные крепостям книги и зборные денги прошлых 704 и 705 году отвез он Иван к Москве для отдачи сего году в сентябре месяце, и будучи на Москве уведомил, что то село отдано в волчину боярину Борису Петровичю, и он не отдав той казны в концелярию каменных дел с Москвы съехал для того, что без боярского // приказу тое казны платить не смел и покинул крепостям книги и зборные денги на Москве, а что той зборной казны, и то явитца по книгам, и ныне де для отдачи без бо-

¹⁸⁷ Доезд Иевлева. Л. 7.

¹⁸⁸ Так в ркл. Следует: мальтийского.

ярского указу к Москве ехать и платить ему не сметь. А буде де боярин Борис Петрович те записные крепостные книги и по книгам денги платить прикажет, и он заплатит в ноябре месяце сего году, а буде в концелярию каменных дел записных крепостных книг не подаст и зборных денег не обявит, и на нем взять великого государя пеню, а пени, что великий государь укажет. А бурмистр Федор Алексеев сказал, что де без боярского указа никакие ведомости сказать не смею и крепостных дел никто в том селе Вошажникове не пишет и к сказателному указу руки не приложит». ¹⁸⁹

Как видим, в данном случае вакуум власти возник в результате пожалования территории одному из петровских «принципалов». Напомним, что село Вошажниково Ярославской губернии было дано Шереметеву за участие в подавлении астраханского бунта. Милость была объявлена фельдмаршалу Меншиковым в Киеве в конце августа — начале сентября 1706 г. ¹⁹⁰ Можно, с одной стороны, с некоторой долей сомнения предположить, что на момент приезда Иевлева (25 октября) вошажниковский бурмистр действительно не получил еще от Шереметева инструкций по поводу крепостной казны и дел. С другой стороны, бурмистр не мог не знать, что частновладельческий статус населенного пункта не выводил его из-под действия царских указов о крепостном деле и что указы эти действительно соблюдались во многих вотчинах (об этом, в частности, свидетельствует тот же доезд Иевлева ¹⁹¹). В частности, надсмотрщик крепостных дел Юхотской волости, которая была дана Шереметеву одновременно с Вошажниковом и находилась неподалеку, без всяких поуканий вовремя выслал деньги в Москву. ¹⁹² Очевидно, узнав о переходе села во владение фельдмаршала, вошажниковские бурмистр и крестьянин быстро сообразили, что теперь, когда от московских приказных их заслоняла широкая спина собственного «государя», можно было попытаться присвоить крепостные сборы. ¹⁹³ Так или иначе, бурмистр не стал играть роль

¹⁸⁹ Доезд Иевлева. Л. 63 об.—64.

¹⁹⁰ Письмо Меншикова Петру I от 7 сентября 1706 г. (Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1861. С. 427).

¹⁹¹ Ростовские бурмистры выслали в Москву казну, куда входили крепостные сборы с уездных вотчин бояр П. И. Хованского и И. Ю. Трубецкого и стольника А. П. Шереметева (доезд Иевлева. Л. 64).

¹⁹² Доезд Иевлева. Л. 60 об.

¹⁹³ К сожалению, можно лишь гадать, знали ли бурмистр и крестьянин о том, что Курбатов был бывшим холопом Шереметева, и, если знали, то рассчитывали ли они на это обстоятельство как на гарантию снисходительного отношения со стороны московского крепостного начальства.

случи двух господ — царя и барина, — иначе говоря, в переводе на деловой язык избранной нами метафоры, оказался неспособен или не пожелал выполнять функции передаточного звена в двух цепях иерархического подчинения одновременно.

Приведенные примеры показывают, что логика административного управления петровского времени, а также трудности, с которыми столкнулись строители «регулярного государства», не могут быть поняты вне рассмотрения вопроса о различных моделях иерархического подчинения. И наоборот, при изучении эволюции средневековых форм прямого личного подчинения следует учитывать изменение требований к функционированию каналов власти в Новое время.¹⁹⁴

2.5. Крепостное дело и население

Крепостное дело, как уже было сказано, прежде всего являлось средством «пополнения его, великого государя, казны».¹⁹⁵ Поэтому не удивительно, что записка крепостей рассматривалась правительством не как факультативная услуга администрации населению, а именно как обязательная последняя. Поданным не предоставлялось выбора — записать крепость и получить, за особую плату, гарантии ее юридического обеспечения или совершить сделку на собственный страх и риск. Принимая курбатовское нововведение, Петр I не просто подтверждал отказ власти давать суд по незарегистрированным сделкам, законодательно оформленный еще в Уложении 1649 г., но претендовал на то, чтобы запретить поданным письменную фиксацию каких бы то ни было договоренностей без объявления представителям власти и уплаты пошлин. Нарушителям указы грозили штрафом или наказанием.

Как отреагировало население на эти требования? Мы, конечно, не имеем возможности судить о том, какая доля от общего числа письменных зафиксированных сделок была зарегистрирована, однако сотни тысяч записей актов, сохранившиеся от петровского времени до сегодняшнего дня, — достаточно весомое доказательство того, что указы о крепостном деле не были проигнорированы. Побудить поданных к выполнению столь хлопотных и дорогостоящих формальностей могли страх наказания и сознание неких выходов. Нами выявлено лишь несколько дел о нарушениях указов

¹⁹⁴ Схожие выводы были получены на европейском материале: *Keyting Sharon. Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth-Century France*. New York; Oxford, 1986. С. 207—210.

о крепостной записке (не считая крепостных служителей).¹⁹⁶ Это побуждает нас сделать вывод, что преследования не носили систематического характера, и сосредоточить внимание на вопросе о выгодах.

Курбатов не был примитивным фискальным хищником и задушивал крепостное дело как нечто большее, чем очередной побор, не сопровождаемый для населения никакими услугами, вроде какого-нибудь сбора с «домовых бань» или «с палых лошадиных кож». Формулируя обязанности надсмотрщиков крепостных дел, он учитывал не только интересы казны, но и интересы поданных, требуя, чтобы надсмотрщики следили за соответствием актов принятым формам и соблюдением процедуры: (присутствие свидетелей и т. д.). Однако, по сравнению с периодом площадного письма, при Курбатове возникла, пожалуй, только одна действительно полезная услуга, заключающаяся в выдаче заверенной выписки из крепостных книг при утере владельцем оригинала акта.¹⁹⁷

Уяснив крайнюю бедность палитры услуг, предлагаемой создателями крепостной процедуры, находчивые подданные Петра I стали предпринимать небезуспешные¹⁹⁸ попытки использовать в собственных интересах ее самую сильную, запретительную, сторону. В делах Оружейной палаты и Приказа крепостных дел имеется ряд схожих челобитных, авторы которых просят не позволять тому или иному лицу зарегистрировать у крепостных дел какую-либо сделку. Особенность данного демарша заключалась в том, что челобитчики оспаривали не уже совершившиеся, а лишь запланированные или даже только воображаемые в неопределенном будущем сделки.¹⁹⁸ Аргументировались подобные просьбы двойко: претензиями к законности сделок или к оформлению актов¹⁹⁹ и/или утверждениями о недееспособности актантов.²⁰⁰ В принци-

¹⁹⁵ Именной указ, данный Разряду 30 января 1701 г. (ПСЗ. Т. 4. № 1833. С. 135).

¹⁹⁶ Дело по челобитью жителей Осташкова (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 197); «Выписка из Приказа крепостных дел о поимке с Троицкой площади разного звания писцов», 1711 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2291).

¹⁹⁷ Дело по челобитью Анфилофия Бахметева, 1709 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2127); дело по челобитью Семена Уткина, 1709 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52272).

¹⁹⁸ Дело о записи купчей, 1705 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 52259).

¹⁹⁹ Дело о «будто неправой и лживой духовной», 1704 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 1964).

²⁰⁰ Дело по челобитью Устины Мочалниковой о «невоздержании» ее сына, 1712 г. (РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2026).

це, такого рода челобитные принимали и другие приказы, в функции которых входила не крепостная записка, а окончательная регистрация сделок.²⁰¹ Однако мы полагаем, что тенденции к сосредоточению таких дел именно в крепостных учреждениях, очевидная для коллежского периода, стала намечаться еще при Курбатове.

Трудно сказать, предвидел ли Курбатов описанную институционализацию ограничительно-карательного аппарата крепостных установлений со стороны населения, но, во всяком случае, он отнюдь не противился ей, видимо понимая, что она повышала заинтересованность подданных в соблюдении крепостной процедуры и, соответственно, шансы последней на экономический успех.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...слишком много было предоставлено на долю людей и слишком мало на долю учреждений...

Павел Милюков

Итак, крепостное дело возникло из личного поручения Курбатову. Он создал его почти *ex nihilo*, ибо сначала ему не было предоставлено никаких ресурсов, кроме нескольких кип белой бумаги, клейма с двуглавым орлом и статуса товарища одного из могущественнейших царских приближенных. У него не было ни долгосрочной программы, ни детально разработанного плана на ближайшее будущее. Перед ним стояла конкретная цель, и он стремился достичь ее с помощью наиболее подходящих подручных средств, находить и выбирать которые ему помогало практическое знание системы управления и суда, приобретенное им в качестве активного потребителя ее услуг. Он изначально хорошо понимал общую логику ее функционирования, а необходимую конкретную информацию заботливо собирал и анализировал, а затем пользовался ею, как для принятия решений по текущим вопросам, так и в тех случаях, когда представлялась возможность повлиять на общую административную политику в интересах порученной ему

²⁰¹ Дело о «непочтении» отставного жильца Тимофея Сухотина к его отцу Велосю в Разрядном приказе в 1709 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вязка 51. Д. 134).

сферы управления. Сфера эта вскоре значительно расширилась по сравнению с первоначальным замыслом введения гербовой бумаги. Не только из властных амбиций, но и ища пути увеличить казенную прибыль, Курбатов добился разрешения сконцентрировать в своих руках сбор регистрационной пошлины с крепостей, ранее распыленный по приказам. Эти изменения привели к упадку институту «площадки», которую Курбатов взял за тем, пользуясь своим положением крепостных дел подьячих. Вслед за тем, пользуясь своим положением начальника Московской ратуши и опираясь на заинтересованные элементы среди местного населения, Курбатов сумел установить прямой контроль над крепостным делом в провинциях, выведя его из-под надзора воевод.

К этому моменту управление крепостным делом приобрело почти все черты, которые историки выделяют как типические признаки учреждений эпохи развитого приказного строя: государственная компетенция, специфические функциональные полномочия, персональный состав, полномочия должностных лиц и делопроизводство.²⁰² Не хватало самой малости — официального признания со стороны власти. Его отсутствие не мешало функционированию возникшего *de facto* Приказа крепостных дел, однако в конце концов оно понадобилось Курбатову из соображений личного престижа и было получено им без видимых затруднений. Таким образом, процесс трансформации приказа-поручения в приказ-учреждение уложился в восемь неполных лет.

Детище Курбатова имело ряд особенностей, которые зачастую интерпретируются как специфические признаки учреждений Нового времени. О единичности уже было упомянуто: с момента смерти Головина у Курбатова не было товарищей по управлению крепостным делом. Весь персонал Приказа крепостных дел, включая неверстанных подьячих, регулярно получал жалованье или корм из казны. И наконец, заметной чертой стиля управления Курбатова была забота об относительно подробной письменной регламентации делопроизводства, в духе позднейших коллежских регламентов.

Тем не менее, мы не склонны переоценивать степень «модерности» Приказа крепостных дел. Как известно, принцип товарищества, лежавший в основе руководства приказами,²⁰³ не исключо-

²⁰² Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов. С. 3—4.

²⁰³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. XI, 5—22.

чал возможности единоличного принятия решений.²⁰⁴ С этой точки зрения, единоначалие Курбатова не очень отличалось от положения опытного приказного судьи XVII в. Что касается жалования, то оно по-прежнему воспринималось в эту эпоху не как обязательная оплата труда, а как добровольный дар государя, проявление его милости и щедрости, или, в крайнем случае, как возмещение понесенных убытков.²⁰⁵ До тех пор, пока этот взгляд преобладал среди начальников и подчиненных в сфере управления и суда, жалование не являлось и не могло стать модернизующим и бюрократизирующим фактором.

Очень важно адекватно оценить феномен письменной регламентации делопроизводства. Под пером Курбатова она достигла, действительно, беспрецедентной в приказной традиции степени подробности.²⁰⁶ Однако она не изменила ни формы приказной службы, ни характер принятия решений. Зафиксировав в законе выработанные на практике правила работы своих подчиненных, Курбатов не вступил на путь создания нормативных инструментов, которые позволяли бы в рабочем порядке регулировать последствия совершаемых служащими нарушений. Курбатов выходил из нештатных ситуаций (таких, как нехватка казны, например), принимая решения, основанные лишь на его собственном здравом смысле и практическом опыте, т. е., строго говоря, на произволе. По сути, Курбатов подпадал под определение тех «мочь имевших старых судей, делавших, что хотели», истребление которых было сформулировано Петром I в качестве одной из основных целей коллежской реформы.²⁰⁷ В результате, пришедший на смену Курбатову «Юстиц-Коллегиум», обязанный «судить по указам», фактически не имел иных средств управления крепостным делом, помимо стандартной судебной процедуры. Это приводило к вынесению явно неадекватных приговоров, не только несправедливых, но и вредных для интересов казны. Нет сомнения, что произвольные

²⁰⁴ Анисимов Е. В. Государственные преобразования... С. 70—72.

²⁰⁵ Писарькова Л. Ф. Российская бюрократия... С. 3—10.

²⁰⁶ ПСЗ. Т. 4. № 1833. С. 134—139; № 1838. С. 155—159; № 1850. С. 164—166; № 1851. С. 166—167; № 1905. С. 190—191; № 1907. С. 191—192; № 1927. С. 214—215; № 1953. С. 229; № 2080. С. 326—328 (подлинник за скрепой Курбатова: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2087); № 2102. С. 347—348; № 2159. С. 388; № 2163. С. 391—392; № 2164. С. 392; № 2167. С. 393; № 2216. С. 434—435. Деятельность по регламентации крепостного дела прервалась сразу после отстранения Курбатова от руководства им и возобновилась только с началом коллежской реформы.

²⁰⁷ Именной указ от 22 декабря 1718 г. (ПСЗ. Т. 5. № 3261. С. 603).

решения приказных прагматиков вроде Курбатова, принимавшиеся на основе критической оценки конкретных ситуаций, зачастую воспринимались как прецедент и использовались в дальнейшем внутри данного учреждения, однако к моменту коллежской реформы они не успели сложиться в обеличенную и нормализованную административную процедуру, готовую к фиксации в регламентах.

Взглянем теперь на понятия и механизмы, лежащие в основе финансового управления крепостным делом. Курбатов, безусловно, задумывался о связи между методами управления и уровнем извлекаемого казной дохода, что хорошо видно на примере практиковавшейся им гибкой политики вознаграждения крепостных служащих.²⁰⁸ Однако он не делал попыток определить потенциальный уровень доходности крепостной пошлины, учтя реальную стоимость взимания. Предпочтение отдавалось традиционной технике взимания, при которой большая часть издержек оставалась невидима и для казны как бы не существовала. Принимая дешевые или бесплатные услуги сотен добровольных сборщиков регистрационной пошлины, Курбатов, по сути, фоглашался на их условия. Извлекаемые ими из крепостного дела материальные выгоды фактически не подавались контролю со стороны центральной власти. Конечно, нельзя забывать, что, если Курбатову за короткий срок удалось добиться заметного успеха в деле «пополнения его, великого государя, казны», то это объяснялось именно укорененностью созданной им системы крепостных учреждений в административной традиции, основанной на активном участии представителей местного населения, ибо в начале XVIII в. не прошло еще то время, когда правительство при взимании налогов смогло опереться на поставленные в каждом городе на постой войска.²⁰⁹ Тем не менее, очевидно, что свойственное петровской эпохе представление

²⁰⁸ В тех городах, где спрос населения на составление актов и, соответственно, приход от крепостной пошлины были высокими, таких, как Москва или Вологда, Курбатов назначал подьячим щедрые по тогдашним меркам оклады жалования и следил, насколько это от него зависело, за тем, чтобы они реально выплачивались. В остальных местах, где мало что можно было украть, подьячие должны были довольствоваться кормовыми деньгами или и вовсе существовать на добровольные подношения клиентов.

²⁰⁹ Калинин Г. В. К вопросу о квартировании войск в городах России в первой половине XVIII века // Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века: Материалы международной научно-практической конференции. Тверь, 2002. С. 152—162.

мере ответственным за обеспечение вооруженных сил в последние годы перед Полтавской битвой?²¹³ В связи с этим, интересно отметить, что Курбатов, получивший в историографии репутацию последовательного проводника политики концентрации государственных доходов,²¹⁴ никогда не предпринимал попыток лишить Приказ крепостных дел финансовой независимости. С одной стороны, он критиковал перед царем порядок, согласно которому право взимания представлялось какому-либо приказу на условиях отчисления определенной доли доходов в Рагушу, вместо того чтобы позволить ей взимать их напрямую.²¹⁵ С другой стороны, он буквально в то же время устанавливал аналогичный режим для Приказа крепостных дел.²¹⁶ Распыление доходов не казалось Курбатову предосудительным, если отдельные учреждения, их собирающие, объединялись под его собственным руководством. Это противоречие позволяет увидеть, насколько полно Курбатов идентифицировал государственное управление с самим собой и другими конкретными лицами, его осуществлявшими. Он защищал «единособоранное правление» финансов прежде всего постольку, поскольку ему довелось играть в нем одну из центральных ролей. Абстрактное административное мышление оставалось чуждо этому талантливому практику, и нельзя сказать, чтобы это делало его исключенным в петровской правящей элите.²¹⁷

Оценивая степень «модерности» управления, нельзя, наконец, игнорировать общее мировоззрение управителей. В сохранившихся источниках Курбатов никогда не отзывался о своей службе иначе, как о служении богу и пути к спасению души: «Истинно желаю работать тебе, государю, без всякаго притворства, как богу»; «Ей, ей, ревностно моею уже приобрел себе болезню и едва не всемигдах мене в ненависть, да единого тебе приобряшу»; «Зри, всемопостивейший, правду мою, ею же хошу спастися», — писал он царю по поводу своих действий против казнокрадства псковских бурмистров и прочих подобных дел.²¹⁸ Петр I и сам считал добро-

²¹³ Внутренняя история Рагуши в начале века изучена мало, поскольку ее архив сохранился фрагментарно, что сниматоматично само по себе.

²¹⁴ Милюков П. Н. Государственное хозяйство... С. 266—271.

²¹⁵ Письмо Петру I от 21 октября 1706 г. (Письма и бумаги... Т. 4. С. 1205).

²¹⁶ Указ Петра I Курбатову от 11 марта 1707 г. (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5. С. 123).

²¹⁷ Редин Д. А. Административные структуры... С. 305.

²¹⁸ Письма Курбатова Петру I от мая 1705 г. и 21 октября 1706 г. (Письма и бумаги... Т. 3. С. 353; Т. 4. С. 1206).

о рентабельности пошлин отличалось от нашего и нуждается в дальнейшем изучении.

Что касается бухгалтерии, то в отчетной крепостной документации поражает полное отсутствие вычислений чистого дохода, несмотря на наличие в ней необходимых для этого данных. Подьячие ежегодно высчитывали валовый «приход» и операционный «расход», но никогда не сопоставляли эти цифры. Более того, слова «прибыль» или «убыток» вообще не встречаются в отчетной бухгалтерии. Конечно, нельзя делать на основании этого вывод об отсутствии в понятийном аппарате Курбатова представления о чистой прибыли — это явствует из всего сказанного о практике управления крепостным делом. Речь идет об особенностях самой отчетной бухгалтерии. В подаваемых в Ближнюю канцелярию ведомостях Курбатов имел все основания не заострять внимание на вопросе операционных расходов (львиную долю которых составляло жалование персонала), поскольку эти документы в любую минуту мог просмотреть Петр I.²¹⁹ Теми же причинами объясняется привычка Курбатова суммировать пошлины, собранные «ево обер инспекторским усмотрением» за несколько лет подряд.²²⁰ Этот бессмысленный с бухгалтерской точки зрения прием позволял Курбатову представить перед царем свои «прибыльщицкие» заслуги в наиболее выгодном свете.²²¹ По всей видимости, отчетная бухгалтерия являлась для правящей элиты не столько статистическим инструментом, сколько средством карьерной борьбы — и это не могло не сказываться на результатах работы Ближней канцелярии, пытавшейся заниматься на учетом государственного бюджета.

Таковы были характеристики небольшого приказа, приносившего казне около полупроцента от ее общего годового дохода. Но не логично ли предположить, что создатель этого учреждения придерживался аналогичных принципов управления в руководстве Рагушей, главным финансовым ведомством страны, в значительной

²¹⁹ Боязнь лишиться фондов на жалование заставляла некоторых руководителей приказов идти даже на фальсификацию данных (письмо В. Степанова Шафирову от 17 декабря 1707 г.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. СПб., 1908. С. 547—548).

²²⁰ Приходо-расходные книги Приказа крепостных дел (РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 122, 170).

²²¹ «Сегодня госнодин Курбатов подавал свою прибыль; невозможно было не токмо государю, и нам с стороны слушать», — с иронией описывал обстановку в консилие министров в Ближней канцелярии Василий Степанов в интимном письме П. П. Шафирову (письмо от 19 декабря 1707 г.: Письма и бумаги... Т. 6. С. 558).

совестную службу в любом мирском «звании» «путем спасения», о чем, в частности, написал в предисловии к книге «О блаженствах».²¹⁹ Конечно, исследователь имеет право увидеть в словах Курбатова риторическое преувеличение, но в интересующей нас персpective это ничего не меняет. Рациональному бюрократу подобные сопоставления просто не пришли бы в голову.²²⁰

Подытоживая сделанные наблюдения, мы приходим к мнению, что, если процесс трансформации поручения в учреждение в начале XVIII в. протекал несколько иначе, чем в период формирования первых приказов, то сам механизм управления крепостным делом, созданный Курбатовым, оставался плотью от плоти «системы власти второй половины XVII в., которую определяли не элементы централизации и бюрократизации, а прежняя средневековая практика личного приказа-поручения».²²¹ В этом отношении мы полностью согласны с Е. В. Анисимовым, который считает, что все возникшие в начале XVIII в. учреждения имели традиционный характер.²²² Такой вывод пробуждает желание вновь поставить давнишний, если не сказать избитый, вопрос о причинах

²¹⁹ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.: Л., 1945. С. 119. Аналогичное неортодоксальное мнение выражал в 1696 г. монах Авраамий, утверждая в «Послании» царю, что самодержцам и «приказным их людям» «труды» зачтут вместо «долгих молитв» (цит. по: *Волков М. Я.* Монах Авраамий и его Послание Петру I // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 317).

²²⁰ Риторичу Курбатова интересно сопоставить с риторикой его европейских коллег того же и даже более раннего времени. В их выраженных верности королю видны следы архаичного феодалного *hommage*, но никак не божественного служения (*Schaub Jean-Frédéric*. *Francisco Leïtao, commissaire à tout faire // Les figures de l'administrateur: Institutions, réseaux, pouvoirs en Espagne, en France et au Portugal*. Paris, 1997. С. 58—74; *Rapin Orest*. *Richelieu and the Councillors of Louis XIII: A Study of the Secretaries of State and Superintendents of Finance in the Ministry of Richelieu 1635—1642*. Oxford, 1963. С. 28). В послепетровской России монарх, в определенных контекстах, продолжал уподобляться богу, но служба воспринималась только как служба императору/государству/Отечеству (*Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: По материалам перепишки. М., 1999. С. 61—94). То же в европейском контексте: *Abbad Fabrice*. *Clientèles et fidélités dans le monde de l'intendance espagnole au XVIIIe siècle // Fidélités, solidarités et clientèles*. Nantes, 1985. С. 113—130.

²²¹ *Седов П. В.* Закаг... С. 551.

²²² *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования... С. 90—95.

столь известного стремления Петра I уничтожить приказные учреждения. Объяснялось ли оно изжитостью приказного строя или, наоборот, его чрезмерной, на вкус государя-государства, живучестью?

Расхожее утверждение о том, что умножение и усложнение организационных задач на рубеже XVII и XVIII столетий раздали приказную систему,²²³ кажется не совсем корректным. В конце концов, при Петре I казна никогда не оставалась без денег, т. е. приказы, в принципе, способны были удовлетворить предъявляемые к ним требования. Вопрос в том, какой ценой? Банально напоминать о беспределенном росте налогового и служебного бремени при Петре I. Но проблема заключается в том, что истинное его увеличение историкам остается неизвестно, ибо в приказной бухгалтерии не отражались прямые траты населения на взимание и службы. Сколько стоил обывателю каждый получаемый казной рубль в середине XVII и в начале XVIII в.? Полагаем, в качестве рабочей гипотезы, что при Петре I его стоимость значительно возросла.

Резкое расширение сферы государственного хозяйства привело к невиданному увеличению материальных и социальных ресурсов государственной службы, она стала еще более привлекательна, чем раньше. Судьба Курбатова, рано почуввшего ветер перемен и «вышедшего из-за хозяина» на расширившееся поле приказной деятельности, ярко выражает суть этого явления. Но специфика эпохи заключалась даже не столько в нем самом, сколько в его воспринимательстве на всех уровнях власти, от высшего до самого нижнего. Так, введение государственной монополии на продажу услуг по письму актов привело к вытеснению рыночных и корпоративных отношений, существовавших среди площадных подьячих, иерархическими и патронажно-клиентскими (так называемыми брокерскими) связями среди служителей крепостных дел и, как следствие, к вздорожанию услуг. Можно предположить, что подобный эффект наблюдался во всех тех, все более многочисленных сферах управления, где средние, мелкие и мельчайшие носители частицы авторитета высшей власти пытались «эксплуатировать идею государственной службы и государева тягла».²²⁴ В условиях реальной жизни начала XVIII в. латентная функция приказной системы — перераспределение благ среди непосредственных и косвенных

²²³ *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования... С. 291.

²²⁴ *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 97.

участников ее деятельности — стала все заметнее перевешивать ее прямые функции управления и суда.²²⁵

Петр I хорошо видел этот феномен. Мало того, что властью злоупотребили самые доверенные и близкие люди, такие, как Меншиков. Разъезжая по стране, царь не мог остановиться ни в одном уезде, чтобы не наткнуться там на миниатюризованного Меншикова: «Что же вы пишете, что вы послали для обоза своего адъютанта Гоца, и оного я сам наехал недалеко от Алыки — выбирает деньги себе».²²⁶ Возможные последствия происходившего стали серьезно беспокоить царя: он «не без горячности указал . . . что сам может подвергнуться тяжелым испытаниям, если народ, выведенный из терпения взятками и насилием, которые учиняются царским именем, не убедится, что государь в этих насилиях неповинен».²²⁷ К началу 1710-х гг. царь убедился, что система управления, основанная на приказе-поручении, грозила уничтожить источник собственного существования, и коллежская реформа задумывалась им как попытка разорвать этот порочный круг. Характерно, однако, что, открывая коллегии, царь чувствовал себя Ноем²²⁸ — он понимал, что новые учреждения будут населены прежними руководителями и служащими, даже если он попытается выбрать лучших. В этом смысле, Петр I оказался большим реалистом, чем его восторженные потомки, которые сравнивали его с богом-демиургом, способным творить из небытия.²²⁹

²²⁵ Схожие гипотезы относительно европейских реалий: *Morgan Victor: Some Types of Patronage, Mainly in Sixteenth- and Seventeenth-Century England // Klientelsysteme im Europa der Frühen Neuzeit*. München, 1988. С. 104—115.

²²⁶ Письмо Петра I Меншикову, 1711 г. Цит. по: *Соловьев С. М. История России*. . . Кн. 8. С. 479.

²²⁷ Из донесения английского посла, 1713 г. Цит. по: *Заозерский А. И. Фельдмаршал Шереметев*. . . С. 192.

²²⁸ *Weber, Friedrich Christian. Das veränderte Rußland*. Frankfurt, 1721. С. 332.

²²⁹ *Жуков В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты са-крализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости*. М., 1987. С. 47—153.